

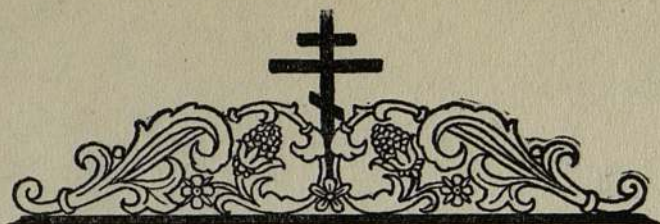

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

2

1951

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

2

ФЕВРАЛЬ

1951

Издание Московской Патриархии
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Официальная часть	
Приветствия, полученные Святейшим Патриархом Алексием ко дню праздника Рождества Христова в 1950 г.:	
От Глав и Предстоятелей автокефальных Православных Церквей	3
От Предстоятелей прочих Церквей	3
От Архипастырей экзархатов, миссий, епархий и от др. представителей Русской Православной Церкви за границей	4
Ответ Святейшего Патриарха Алексия на поздравления ко дню его Ангела	5
Церковная жизнь	
<i>Н. Лебедев.</i> На Рождественском приеме у Святейшего Патриарха	6
Служения Святейшего Патриарха Алексия (Январь — февраль)	8
В защиту мира	
<i>Митрополит Елевферий.</i> Речь на I-м Чехословацком съезде защитников мира	9
<i>А. Ведерников.</i> Испытание верности	11
Хроника	
<i>Проф. Н. Доктусов.</i> В Московской Духовной Академии и Семинарии (Доклад Митрополита Николая)	15
<i>Доц. Л. Парийский.</i> В Ленинградской Духовной Академии и Семинарии (Доклад Митрополита Николая)	16
Речи и проповеди	
<i>Митрополит Николай.</i> Пища	17
Статьи	
<i>Волков А.</i> Отход Ватикана от основ христианства	21
<i>Проф. И. Шабатин.</i> Из истории воссоединения Белорусских униатов (Очерк второй)	35
Из жизни Духовных школ	
<i>Доц. Л. Парийский.</i> Каникулы в Ленинградских Духовных школах	48

Издатель:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Редактор:
РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

По всем редакционным делам обращаться к и. о. Ответственного секретаря Редакции «Журнала Московской Патриархии» А. И. Георгиевскому — Москва, 48. Б. Пироговская, 2 (быв. Новодевичий монастырь), Редакция «Журнала Московской Патриархии».

ПРИВЕТСТВИЯ,

**ПОЛУЧЕННЫЕ СВЯТЕЙШИМ ПАТРИАРХОМ АЛЕКСИЕМ
КО ДНЮ ПРАЗДНИКА РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В 1950 г.**

Святейшим Патриархом Алексием получены приветствия ко дню
праздника Рождества Христова от следующих лиц:

I

**ОТ ГЛАВ И ПРЕДСТОЯТЕЛЕЙ АВТОКЕФАЛЬНЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ:**

- от Патриарха Константинопольского Афинагора (Стамбул, Турция);
- от Патриарха Александрийского Христофора (Александрия, Египет);
- от Патриарха Антиохийского Александра (Дамаск, Сирия);
- от Патриарха Иерусалимского Тимофея (Иерусалим);
- от Католикоса-Патриарха всея Грузии Каллистрата (Тбилиси, Грузинская ССР);
- от Патриарха Сербского Викентия (Белград, Югославия);
- от Патриарха Румынского Юстиниана (Бухарест, Румыния);
- от Архиепископа Афинского и всей Греции Спиридона (Афины, Греция);
- от Архиепископа Кипрского Макария (Никозия, Кипр);
- от Наместника-Председателя Святейшего Синода Болгарской Православной Церкви Митрополита Пловдивского Кирилла (София, Болгария);
- от Архиепископа всея Албании Паисия (Тирана, Албания);
- от Заместителя Митрополита Польской автокефальной Православной Церкви Архиепископа Белостокского и Бельского Тимофея (Варшава, Польша).

II

ОТ ПРЕДСТОЯТЕЛЕЙ ПРОЧИХ ЦЕРКВЕЙ:

- от Верховного Патриарха-Католикоса всех армян Георга VI (Ереван, Армянская ССР);
- от Архиепископа Йоркского, Примааса Англии и Митрополита К. Гербетт (Йорк, Англия).

ОТ АРХИПАСТЫРЕЙ ЭКЗАРХАТОВ, МИССИЙ, ЕПАРХИЙ И ОТ ДР.
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ЗА ГРАНИЦЕЙ:

- от Экзарха, Митрополита Пражского и всея Чехословакии Елевферия (Прага, Чехословакия);
- от Экзарха и Начальника Духовной Миссии в Китайской Народной Республике Архиепископа Пекинского и Китайского Виктора (Пекин, Китай);
- от Заместителя Экзарха и Начальника Духовной Миссии, Епископа Никандра (Харбин, Маньчжурия, Китай);
- от Епископа Симеона (Шанхай, Китай);
- от Экзарха, Архиепископа Алеутского и Северо-Американского Макария (Нью-Йорк, США);
- от Заместителя Экзарха, Архиепископа Адама (США);
- от Епископа Антония (Сан-Франциско, США);
- от Епископа Аргентинского Феодора (Буэнос-Айрес, Аргентина);
- от Архиепископа Брюссельского и Бельгийского Александра (Бельгия);
- от Епископа Берлинского и Германского Бориса (Германия);
- от Совета при Экзархе церквей Западной Европы (Париж, Франция);
- от Начальника Русской Православной Духовной Миссии в Палестине Епископа Изборского Владимира (Иерусалим, Израиль);
- от Начальника Русской Православной Миссии в Голландии архимандрита Дионисия (Гаага, Голландия);
- от Женевской Патриаршей общины (Женева, Швейцария);
- от Благочинного Русских православных приходов в Болгарии архимандрита Пантелеимона (София, Болгария);
- от Благочинного Венгерских православных приходов протоиерея И. Кополовича (Будапешт, Венгрия);
- от Настоятеля Венского православного прихода архимандрита Арсения (Вена, Австрия);
- от Настоятеля Русского православного храма в Раббате архимандрита Варсонофия (Марокко);
- от Настоятеля Русского православного храма в Бухаресте протоиерея П. Статова (Румыния);
- от Игумена Валаамского монастыря Иеронима (Карвион-Канава, Финляндия);
- от Церковного совета православной церкви в Токио (Япония).

ОТ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

Приношу искреннюю благодарность Преосвященным Архипастырям, духовенству, монашествующим и мирским лицам, приславшим мне приветствия ко дню моего Ангела, и, взаимно выражая им мои благопожелания, призываю всем Божие благословение.

АЛЕКСИЙ,
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ

25 февраля 1951 г.

НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ ПРИЕМЕ У СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА

Как и в минувшие годы, 9 января т. г., в третий день преславного праздника Рождества Христова, в патриарших покоях в Москве, в Чистом переулке, происходило трогательно-умилительное торжество славления Родившегося Превечного Младенца представителями паствы Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и принесение приветствий Его Святейшеству.

Еще заблаговременно до приема стал наполняться приемный зал Московской Патриархии. Слышатся взаимные приветствия соратников на ниве Христовой, братские радостные восклицания. Чувствуется приподнятое праздничное настроение.

Чудится, что соприисутствуют здесь духом и те столпы Русской Православной Церкви, строго-сосредоточенные, но и ласковые лица которых на портретах в зале взирают на собравшихся.

К назначенному часу — к трем часам пополудни — здесь собрались: епископ Можайский Макарий, представители Антиохийской и Болгарской Православных Церквей — настоятели храмов московских подворий — архимандрит Василий и архимандрит Максим; Наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Иоанн, представители профессоров и преподавателей Московских духовных школ, во главе с и. о. ректора проф. В. С. Вертоградовым и и. о. инспектора доцентом — протоиереем В. Д. Шпиллер; благочинные, настоятели и другое духовенство столичных храмов, сотрудники Редакции «Журнала Московской Патриархии», во главе с и. о. Ответственного секретаря доцентом А. И. Георгиевским и работники прочих отделов Патриархии; представители церковных советов храмов г. Москвы и др. лица.

Налицо был и патриарший хор во главе с руководителем В. С. Комаровым.

Мелодично-серебристые звуки настольных часов возвещают наступление трех часов пополудни.

Лишь только замолкли эти звуки, из внутренних покоев в зал, назначенный для совершения молебствия, вышел с благой улыбкой на лице Святейший Патриарх, в сопровождении Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая и Управляющего делами Московской Патриархии протопресвитера Н. Ф. Колчицкого.

Все замерло в благоговейной тишине.

Осенив себя крестным знаменем перед образом Рождества Христова, Святейший Патриарх преподавал свое общее святительское благословение всем собравшимся, под торжественное «Ис полла эти деспота».

Началось положенное праздничное молебствие.

Оно было совершено настоятелем московского храма Воскресения, что в Брюсовском переулке, протоиереем Н. П. Бажановым, в сослужении архидиакона Патриаршего кафедрального собора Г. К. Антоенко, при участии патриаршего хора.

В конце молебствия прот. Н. П. Бажанов обратился к Святейшему Патриарху с приветствием следующего содержания:

«Ваше Святейшество, Всемилостивый Архипастырь наш и Отец! В этот радостный и торжественный день, день встречи Патриарха со своею паствою, все мы — и собравшиеся здесь, и вся Московская бого-хранимая Ваша паства — сыновне приветствуем и горячо поздравляем Вас с великим и всемирным праздником Рождества Спасителя, Рождества Господа нашего Иисуса Христа.

В эти праздничные дни, когда христианская мысль невольно стремится в седую даль веков, к той святой ночи, в которую зажглась Вифлеемская звезда, приведшая мудрецов востока к яслям Христовым; в эти дни «святых», когда мы вспоминали ту тихую, благоухающую палестинскую ночь, в которую «внезапно в бездне небосвода несчетный хор небесных сил явился» и возвестил вселенной: «Слава в вышних Богу и на земле мир!» — в эти святые дни нам еще отраднее сознавать что Вы, наш Первосвятитель, Вы, Ангел нашей Русской Православной Церкви, сливаете свой голос с этим хором небесных сил, возвещающим о мире на земле.

Мы знаем, что Вы, Святейший Владыка, — усердный молитвенник и великий печальник «о мире всего мира», Вы — мужественный и активный борец за это святое дело — за дело торжества мира во всем мире.

И этот Ваш благородный пример вдохновляет, зовет и нас, Ваших чад духовных, на этот святой подвиг — быть борцами за дело мира.

И мы молим Владыку мира и Подателя благих, чтобы Он сохранил Вас на долгие, многие лета и даровал Вам изобилие духовных и телесных сил для несения столь высокого служения на пользу Русской Православной Церкви, в честь и славу нашей дорогой Родины.

И мы верим, что, услышав Ваши горячие молитвы, соединенные с молитвою всей нашей Церкви, «Господь крепость людям Своим даст, Господь благословит люди Своя миром» (Псал. 28, 11).

Поблагодарив за приветствие, Святейший Патриарх в своих ответных, кратких, но согретых отеческой любовью и проникающих до глубины души словах напомнил, что праздник Рождества Христова — мать всех праздников — обвеял у каждого из нас дорогими и трогательными воспоминаниями детства. Это не затеняет, однако, сущности и значения великого праздника, когда было возведено человечеству ангельским хором, что воплощение Бога-Слова несет миру мир и Божие благоволение людям.

Мир с Богом, мир с ближними и мир со своей совестью, — закончил Святейший Патриарх, — вот что каждый из православно верующих должен всеми силами ума и сердца возгревать в своей душе и проявлять в своей жизни, деятельно участвуя и в борьбе за всеобщий мир на земле во славу Божию и Церкви и на пользу любимой Родины.

Засим архидиакон Г. К. Антоненко громогласно провозгласил, а хор мощно пропел многолетие Святейшему Патриарху Алексию, присутствующим и всей Богохранимой пастве Его Святейшества.

По окончании молебствия Святейший Патриарх преподал свое святейшее благословение каждому из присутствующих.

С особенным вниманием и лаской он отнесся к детям.

В это время хор художественно исполнил концерт Д. С. Бортнянского «Слава в вышних Богу» и другие песнопения, положенные в праздник Рождества Христова.

Все, кто имел возможность присутствовать на этом приеме у Святейшего Патриарха, пережили незабываемые минуты духовной радости.

Н. ЛЕБЕДЕВ

СЛУЖЕНИЯ

СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

(ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ)

1 января. В 12 ч. ночи с 31 декабря на 1 января Святейший Патриарх совершил в Патриаршем Богоявленском соборе новогодний молебен, перед которым обратился к молящимся со словом.

2 января, в день кончины о. Иоанна Кронштадтского, Божественную литургию Святейший Патриарх совершал в Патриаршей Крестовой церкви. После литургии им там же была отслужена панихида по о. Иоанне Кронштадтском.

7 января, в праздник Рождества Христова, Божественная литургия (как накануне, в сочельник, вечерня и всенощное бдение) была совершена Святейшим Патриархом в Патриаршем Богоявленском соборе.

15 января, в день памяти преп. Серафима, Саровского чудотворца, Божественную литургию Святейший Патриарх совершал в Патриаршей Крестовой церкви.

19 января, в праздник Крещения Господня, Божественная литургия (а также, в навечерие, великое освящение воды и всенощное бдение) Святейшим Патриархом была совершена в Патриаршем Богоявленском соборе.

14 февраля, накануне праздника Сретения Господня, всенощное бдение Святейший Патриарх совершал в Патриаршем Богоявленском соборе.

25 февраля, в день памяти Святителя Алексия, Митрополита Московского и всея Руси, Божественная литургия (как и всенощное бдение накануне) была совершена Святейшим Патриархом в Патриаршем Богоявленском соборе. По случаю тезоименитства Святейшего Патриарха Его Святейшеству сослужили: Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, архиепископ Минский и Белорусский Питирим, архиепископ Можайский Макарий, епископ Свердловский и Ирбитский Товия, епископ Бийский Никандр. После литургии Святейший Патриарх совершил молебен перед мощами Святителя Алексия, в сослужении тех же иерархов, а также архиепископа Рязанского и Касимовского Филарета, епископа Костромского и Галичского Антония, настоятелей московских подворий, соборного и др. московского духовенства.

РЕЧЬ

ЭКЗАРХА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ МИТРОПОЛИТА ПРАЖСКОГО И ВСЕЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ ЕЛЕВФЕРИЯ

НА 1-м ЧЕХОСЛОВАЦКОМ СЪЕЗДЕ ЗАЩИТНИКОВ МИРА
21 января 1951 г.

Дорогие друзья по защите мира!

Позвольте мне от имени Православной Церкви в Чехословакии передать пламенный привет 1-му Чехословацкому съезду сторонников мира — Вам, смелым борцам за всеобщий мир, за истинное братство и дружбу народов!

Отстаивать мир, стоять за справедливость, благо и свободу людей, не допускать свергнуть человечество в новую ужасную военную катастрофу — это дело истинно великое и благородное. Это значит — стоять за счастливое настоящее людей и за прекрасное их будущее.

На недавнем судебном процессе в Братиславе государственный прокурор д-р Фейеш говорил о государственных преступниках, которые оказались сторонниками войны, что они «начертали на своем знамени «пакс романа» — римский мир, ватиканский мир, который правильнее назвать «пакс американа». Это — мир военных кладбищ, мир сожженных деревень и городов, тишина братских могил и аллей повешенных. Такого мира наш народ не хочет».

Да, такого мира он не хочет; он хочет другого, истинного мира, за который, вот, боремся теперь мы. Это — мир счастливых улыбок наших детей; это — мир радостных дней нашей молодежи; это — спокойный плодотворный труд на наших полях, на наших фабриках и заводах; это — мирная учеба в школах и спокойные занятия в аудиториях; это — мир наших прекрасных богослужений; это — мир наших тихих семейных очагов... Это — все то, прекрасное, честное, справедливое, благородное, чем красна человеческая жизнь.

Вот почему наша Православная Церковь со всей готовностью включилась в великое дело защиты мира, с любовью участвует в нем и будет участвовать и далее, верная заветам Христа Спасителя, следуя за своей Матерью — Русской Православной Церковью и ее примеру.

Я позволю себе здесь совершенно кратко перечислить, что именно по защите мира сделано Православной Церковью Чехословакии.

Кроме усиленной молитвы за мир всего мира, Собор наших епископов и духовенство не пропускают ни одного удобного случая, чтобы не сказать своего слова о борьбе в защиту мира. За последние три года нами было издано до 25 архипастырских посланий и обращений, побуждающих верующих к защите мира и к самоотверженному труду на благо Родины. В наших церковных журналах только в 1950 г. было опубликовано 39 статей о сохранении мира, а всего было — 64 посланий,

обращений и статей такого содержания. Наше духовенство всегда участвует во всех манифестациях за мир. Успешно проведена акция по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием. Сбор в пользу Корейского Красного Креста и на пострадавших от агрессии дал до настоящего времени много более 150.000 крон и еще продолжается.

Православные верующие, по собственной инициативе, включаются в построение социалистического порядка в Чехословацкой Республике, работают в бригадах, многие отличились как ударники и рационализаторы производства, а также принимают участие и состоят членами Единых Земледельческих Дружеств.

Борьбу за прочный справедливый мир мы считаем обязанностью каждого христианина, вечным Христовым заветом любви к ближнему. И мы, православное духовенство, сознаем, что утверждению мира мы лучше всего поможем тем, что будем вести верующих к тому, чтобы каждый из них, каждый на своем посту, честным и усердным трудом содействовал строению счастливой жизни, благу и славе своего Отечества.

Православная Церковь обещается и в дальнейшем приложить все свои усилия к работе по защите мира и на благо народа. Она твердо верит, что, с Божией помощью и дружными усилиями всех людей доброй воли, мир во всем мире будет сохранен!

ИСПЫТАНИЕ ВЕРНОСТИ

В современном размежевании друзей и врагов мира христиане всех исповеданий переживают ответственное время — время испытания верности Христу. Перед каждым христианином, исповедующим Иисуса Христа Сыном Божиим, «пришедшим в мир грешных спасти», встал вопрос о содействии делу всеобщего мира, о преодолении зла новой мировой войны, которая угрожает человечеству беспощадным истреблением и неисчислимыми бедами. Испытывая христианскую совесть, этот вопрос всколыхнул верующие массы всех исповеданий, разобщенных в веках неправдой жизни и неверным отношением к Церкви, и положил начало их общению на почве активного участия в борьбе за мир.

Если в течение многих столетий между христианами разных исповеданий возвышались стены отчуждения и даже вражды, то теперь, перед лицом опасности мировой войны, они как бы вспомнили о своем родстве во Христе Иисусе и о Его Искупительной Жертве, принесенной за всех людей, и непрерывным потоком стали присоединяться к движению сторонников мира. Общечеловеческое дело борьбы за мирную жизнь на земле, на основе справедливости и сотрудничества между народами, стало для христиан как бы испытанием их верности Христу Спасителю и предметом жизненного подвига. А борьба с мировым злом, угрожающим истребить на земле творение Божие, приобрела, с участием христиан, смысл нравственного осуждения всякой агрессии, всяких планов уничтожения жизни и культуры.

*

* * *

На христиан инославных исповеданий огромное воздействие оказала позиция Русской Православной Церкви. Наша Церковь в минувшей войне, как и всегда, разделяла со своим народом и горе и радость и всеми доступными ей средствами защищала жизнь и достоинство своего земного Отечества, твердо веруя в победу. А когда окончилась эта страшная война и уставшие от ее ужасов народы устремились к всеобщему миру, Русская Православная Церковь немедленно возвысила свой голос в защиту мира и в осуждение его врагов, дабы отклонить угрозу нового и бессмысленного уничтожения от всех народов.

С этой целью Русская Церковь, в лице своих высших иерархов, священнослужителей и мирян, вошла в первые ряды движения сторонников мира. Неизменно, с твердой верой в конечное торжество правды, Русская Православная Церковь продолжает и далее сопутствовать мирным усилиям человечества, утверждая своей миротворческой работой верность Христу и Его заповедям о любви к Богу и ближнему. Свою задачу она начинает выполнять с водворения в человеческих душах мира с Богом, продолжает то же дело в мирных отношениях с ближними

и завершает его созиданием Царства Божия, которое есть «не пища и питье, но праведность, и мир, и радость во Святом Духе» (Римл. 14, 17).

В осуществлении верности христианскому долгу Русская Православная Церковь много содействовала и теперь продолжает содействовать объединению усилий автокефальных Православных Церквей в защиту всеобщего мира.

А в выявлении братских чувств к жертвам агрессии и жестокости, как и в осуждении атомного оружия, сказалось евангельское отношение Церкви к человеческому миру и его истории, на путях которой она проходит как сеятельница слова Божия, чающая преобразования твари «в свободу славы детей Божиих» (Римл. 8, 21).

*

* *

Ответственность момента привела в движение и западных христиан. Для них испытанием верности Христу явилось, прежде всего, отношение к угрозе применения атомного оружия. Опыт его использования в Хиросиме и Нагасаки обнаружил, как далеко могут оказаться люди от христианских основ жизни и от своего человеческого звания. Многим стало ясным, что развязывание атомной войны может привести враждующие стороны к взаимному уничтожению, и все поняли, что изготовление атомного оружия затрагивает нравственные устои существования человека и общества.

Поэтому в феврале 1950 г., под впечатлением сообщения об изготовлении водородной бомбы, Архиепископ Йоркский К. Гербетт, проповедуя в Ливерпульском храме, сказал: «Необходимо поставить вне закона и держать под строгим контролем это сатанинское оружие. Если оно будет применяться, цивилизация погибнет. Идеологические разногласия должны быть отброшены в сторону перед лицом неотложной необходимости найти путь к соглашению для устранения этой страшной угрозы»¹. Этими словами он выразил убеждение в том, что истина добывается в опыте жизни, в опыте мирного соревнования идей, признания которых нельзя завоевать физической силой, а только нравственным убеждением.

Острое чувство ответственности объединило и некоторых ученых-физиков Америки, которые после сообщения Трумэна об изготовлении водородной бомбы, заявили, что использование такой бомбы явилось бы изменой всем моральным устоям и самой христианской цивилизации². Совершенно очевидно, что никакая причина, какой бы справедливой она ни казалась, не может оправдать применение такого оружия.

В призыве к использованию атомного и водородного оружия для целей войны нельзя не почувствовать сатанинского замысла уничтожить на земле всякую жизнь, и потому две тысячи протестантских священников Колумбии заявили, что производство атомных бомб противоречит религии, а группа верующих в Нью-Йорке, по призыву священника Дональда Гаррингтона, в течение 36 часов молилась в церкви о том, чтобы атомная бомба была запрещена³.

Выражением той же христианской оппозиции политике Трумэна явилось выступление на «Конференции в защиту мира в середине века» представителей церквей, которые заявили, что никакая моральная концепция не сможет выйти победительницей из войны, в которой была бы применена водородная бомба. Поэтому они утверждают, что никакая форма искренней любви к родине не может оправдать поддержку под-

¹ Журнал «Сторонники мира», 1950 г., № 7, стр. 35.

² Там же, № 9, стр. 92.

³ Там же.

готовки к такой войне и никакие искренние религиозные убеждения не могут допустить равнодушного отношения к этой подготовке⁴.

В этом смысле характерно выступление священника Л. С. Деррета из Уайтхевена (Кэмберленд), который сказал, что замысел изготовить водородную бомбу по самому существу своему губителен для человечества и является оскорблением человеческого достоинства⁵. Другой священник — Кларенс Дафи из Канады, говоря о сверхскоростных методах массового производства атомных бомб, назвал эти методы убийством, которое и является прямым намерением тех, кто проповедует использование атомного и водородного оружия. Свое выступление он закончил выражением решимости бороться за мир, дабы принадлежать, по слову Христа, к сынам Божиим⁶.

Вопреки политике Ватикана, слишком связанной с мировым империализмом, чтобы служить делу мира, католические священники многих стран заявляют, что они могут быть лишь в лагере мира, ибо желают действовать в согласии со своей совестью и принципами Евангелия, которые они проповедают.

Такое заявление сделало католическое духовенство г. Кракова (Польша)⁷, о том же заявили и католические епископы Венгрии, которые осудили атомное оружие во имя своего христианского служения⁸.

Высоту и святость этого служения предпочли также кардиналы и архиепископы Франции. Они написали: «Христианин не может и не должен стоять в стороне от усилий, которые предпринимаются для того, чтобы поддержать мир между народами». И они же, в связи со Стокгольмским Воззванием о запрещении атомного оружия, опубликовали письмо, в котором умоляют государственных деятелей «не поддаваться соблазну использовать это оружие разрушения и сделать все возможное, чтобы общими усилиями добиться его запрещения»⁹.

Угроза атомного истребления возбудила христианскую тревогу решительно во всех странах мира. «Всякое подобное оружие, — заявил католический священник Жоан Батиста де Карвальо из Бразилии, — нужно уничтожить, ибо применение его бесчеловечно и противно принципам христианства, к тому же оно противоречит самым священным интересам человечества»¹⁰. Другой бразильский священник Медейрос Нето пишет о том, что только люди, находящиеся на грани отчаяния, ненавидящие человечество, жаждущие мирового господства, обратившиеся против Бога и против жизни, могут еще настаивать на необходимости сохранять запасы атомных бомб¹¹.

Долг верности Христу заставил очень многих католических и протестантских деятелей поставить дело сохранения мира выше всяких иных соображений. Группа французских протестантов, например, призывая своих единоверцев подписать Стокгольмское Воззвание, заявила: «Если мы хотим сохранить верность Иисусу Христу, мы не можем оставаться безразличными в эти грозные времена... Мы убеждены, что наша преданность Христову Евангелию выдвинет перед нами завтра новые проблемы. А сегодня, отвечая по-христиански на этот призыв, мы обязуемся повседневно прилагать все усилия к тому, чтобы использовать малейшую возможность для укрепления мира и примирения людей между собою»¹².

⁴ Журнал «Сторонники мира», 1950 г., № 10, стр. 18—19.

⁵ Там же, № 10, стр. 11—12.

⁶ Там же, № 10, стр. 13—14.

⁷ Там же, № 10, стр. 79.

⁸ Там же, № 10, стр. 17.

⁹ Там же, № 11, стр. 18.

¹⁰ Там же, № 12, стр. 23.

¹¹ Там же, № 12, стр. 23.

¹² Там же, № 12, стр. 20.

Для христианства проблемой сегодняшнего дня продолжает оставаться единство в защите мира, единство в борьбе со злом войны. Поэтому «перед всеми христианскими церквями, а следовательно, и перед всеми священнослужителями, — пишет в своем обращении немецкий пастор Отмар Мюллер, — встает вопрос огромной важности. Речь идет о том, все ли церкви и все ли верующие станут активными участниками великого фронта борьбы за мир или же они будут держаться в стороне. Если церкви и священники станут борцами за дело мира, это будет означать, что они не только следуют заповеди любви к своему ближнему и не только действуют во исполнение воли своего Божественного Основателя веры на земле, но что, как истинные христиане, они вступают в борьбу с сатанинскими силами поджигателей войны и убийцами народов»¹³.

И, несмотря на враждебную пропаганду, христиане всех стран и исповеданий осуждают агрессию американцев в Корее, их жестокость по отношению к мирным жителям этой страны и бессмысленное уничтожение сел, городов и плодов труда мирного народа. Австралийские священники заявили решительный протест против жестоких бомбардировок, которым подвергается Корея, и далее подчеркнули, что они протестуют не по соображениям политического порядка, а потому, что правительства многих стран — членов Организации Объединенных Наций — считают себя христианскими.

Такое напоминание могло бы явиться для этих правительств поистине вразумляющим, если бы они в своей деятельности руководствовались христианскими принципами или, по крайней мере, стремились к этому. На самом же деле «не о мире говорят они, но против мирных земель составляют лукавые замыслы» (Псал. 34, 20), вызывая справедливое возмущение миролюбивых народов политикой поощрения и попустительства по отношению к агрессорам. А христиане, вместе со всеми людьми доброй воли, не только говорят о мире, но действуют в его защиту в духе своих евангельских убеждений.

*

* *

Нам не достало бы времени и места, чтобы перечислить все примеры христианского участия в борьбе за мир, но и указанных примеров достаточно, чтобы понять, какое побуждение руководит христианами, когда они заявляют себя сторонниками мира и защищают программу международного умиротворения. Этим побуждением является верность Христу, которая требует, чтобы вся человеческая жизнь подчинялась закону любви, завещанному нам Христом Спасителем.

К усвоению спасительных плодов любви христиане и направляют свои усилия, когда призывают друг друга возвыситься над вероисповедными и политическими расхождениями, дабы своею верностью Христу осветить человечеству путь к вечному миру.

А. ВЕДЕРНИКОВ

¹³ Там же, № 14, стр. 9.

ХРОНИКА

В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ И СЕМИНАРИИ

(ДОКЛАД МИТРОПОЛИТА НИКОЛАЯ)

26 декабря 1950 г. Московскую Духовную Академию и Семинарию посетили Митрополиты — Крутицкий и Коломенский Николай и Ленинградский и Новгородский Григорий, а также бывший начальник Миссии Русской Православной Церкви в Корее архимандрит Поликарп.

Митрополит Николай сделал доклад о Втором Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве. В своем сообщении, проникнутом идейной насыщенностью и церковно-религиозным обоснованием борьбы за мир, а также дышащем пламенным чувством патриотизма, Митрополит Николай сначала изложил все предшествующие этапы трудов по объединению сторонников мира и их организации.

Затем он остановился на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира, подробно анализировал работу конгресса, иллюстрируя многочисленными примерами беззаветной преданности его членов борьбе за мир. С присущим его ораторскому таланту блеском Владыка дал яркие характеристики многих членов конгресса и зарисовки отдельных сцен.

Профессорско-преподавательский персонал, воспитанники Семинарии и студенты Академии устроили докладчику овацию, которая явилась не только заслуженной данью благородному глашатаю мира от лица Русской Православной Церкви, но и подлинными чувствами преданности собравшихся тому высокому делу мира, которое сейчас непрерывно растет и углубляется в сознании всего человечества.

Совет Академии в заседании 27 декабря 1950 г. выразил Митрополиту Николаю глубокую благодарность за его доклад и изъявил готовность всегда служить евангельскому завету мира и своей великой Матери-Родине.

Проф. Н. ДОКУСОВ

В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ И СЕМИНАРИИ

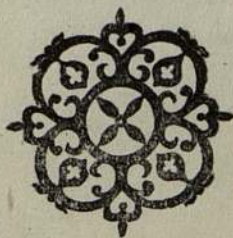
(ДОКЛАД МИТРОПОЛИТА НИКОЛАЯ)

3 января 1951 г. в актовом зале Ленинградской Духовной Академии и Семинарий состоялось собрание православного духовенства, церковных советов города Ленинграда, профессорско-преподавательского состава Ленинградской Духовной Академии и Семинарии, студентов, рабочих и служащих Академии и Семинарии, на котором член Всемирного Совета Мира, делегат Второго Всемирного конгресса сторонников мира Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай сделал доклад о конгрессе в Варшаве и его работе.

По окончании доклада собравшимися, по предложению Митрополита Ленинградского и Новгородского Григория, единогласно была принята следующая резолюция:

«Православное духовенство и представители церковных советов города Ленинграда, Ленинградская Духовная Академия и Семинария, в полном их составе, заслушав доклад Митрополита Николая о Втором Всемирном конгрессе сторонников мира, заявляют, что они единогласно и полностью принимают и приветствуют исторические решения конгресса и, руководясь основными христианскими понятиями, считают одной из первейших своих задач — быть активными борцами за мир».

Доцент Л. ПАРИЙСКИЙ

ПИЩА

СЛОВО,

СКАЗАННОЕ В ЦЕРКВИ СВ. ПРОРОКА ИЛИИ, ЧТО В ОБЫДЕНСКОМ ПЕРЕУЛКЕ г. МОСКВЫ

Сейчас, дорогие мои, как и за каждой праздничной всенощной, мы совершили священный обряд благословения хлебов. Этот обряд ведет свое происхождение от времен глубокой христианской древности, когда всенощное бдение совершалось всю ночь, до утра, и возглас священника: «Слава Тебе, показавшему нам свет!» — произносился уже при сиянии утреннего солнца. Богослужение прерывалось в своей середине по окончании вечерни, благословлялась трапеза для молящихся с целью подкрепить их телесные силы для всенощного стояния на молитве. На этой трапезе верующим предлагались освященные хлеб, вино и елей.

Почему за нашим священным обрядом мы благословляем именно пять хлебов? Ответ на этот вопрос дают первые слова той молитвы, которую произносит священник или архиерей, совершающий службу: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, благословивый пять хлебов и пять тысяч насытивый...»

Мы благословляем пять хлебов в воспоминание того евангельского чуда, когда Господь Иисус Христос пятью хлебами наплатил огромную толпу народа. Мы представляем себе своим духом, как эта толпа шла за Спасителем, покоренная Его Божественной проповедью. Люди не замечали того, что они идут в пустынное место, где нельзя будет достать пищи, а многие из них шли с детьми; забыли и о том, что день уже склоняется к закату. Когда наступил вечер, Господь, взяв пять хлебов, какие оказались у одного из мальчиков, благословил их, и, по Его повелению, ученики накормили досыта все множество людей, а одних мужчин было пять тысяч.

Здесь было совершено чудо телесного насыщения людской толпы. Это чудо было совершено действием Всемогушества Божия, ибо «невозможное человеком возможно Богу» (Лк. 18, 27), — говорит слово Божие.

Но здесь совершалось и другое чудо — дух покорил плоть; голод духовный подчинил себе голод телесный. О чем нам говорит это последнее чудо? О том же, о чем говорят и толпы православных верующих людей, наполняющих наши храмы в праздничные дни. Ни духота, ни теснота переполненных верующими храмов не являются для вас препятствием к тому, чтобы простоять нашу долгую вечернюю или утреннюю службу. Это потому, что ваше сердце стремится к тому, о чем говорил Господь: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную» (Ио. 6, 27). Все это свидетельствует о том, что в каждом из нас живет бессмертная душа, вложенная в бренное тело нашим Творцом и Отцом Небесным, Господом Богом.

У бессмертной души есть свои потребности, свой голод, свои болезни. Вот и ведет она нас сюда, в храм Божий, к Врачу душевному и те-

лесному, к Питателю наших душ, в место раздаяния той Божественной Небесной Пищи, какой питается и какой ищет верующая душа.

Такой пищей для нашей души прежде всего является наша молитва. Верующий православный христианин не пропускает ни одного утра, ни одного вечера своего дня без того, чтобы на домашней молитве не открыть своего сердца Господу Богу. Но душа этим не удовлетворяется, она зовет нас в святой храм и требует для себя нашей молитвы здесь. И это не только потому, что храм — место особого обитания Божия и что здесь наш Господь открывается в Своих Пречистых и Животворящих Тайнах; но и потому мы имеем нужду в молитве в храме, что за нашими Богослужениями совершается общая молитва от лица всех нас. Здесь не только каждый молится в своем сердце о своих нуждах и скорбях, но здесь мы молимся все вместе одной общей молитвой. Здесь мы единым сердцем и едиными устами говорим от лица всех нас: «ангела мирна», «прощения грехов наших», «прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати» — просим.

У кого вера слабая и молитва немощная, молитва другого, рядом стоящего, более сильного духом, более крепкого своей верой, как бы покрывает в эти минуты немощи другой человеческой души и восполняет ее слабую веру. Нередко приходит в храм человек рассеянный, заполненный своей житейской суетой, плохо и небрежно молится, но видит, как из груди рядом стоящего с ним изливается молитва веры с сердечными вздыханиями, и такая молитва вдохновляет и ленивого, охваченного суетой, напрячь силы своего духа и с верой воздохнуть ко Господу.

Господь говорил: «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного» (Мф. 18, 19). Он не может не услышать молитвы десятков, сотен, тысяч верующих сердец, объединяющихся на общей молитве за Богослужением.

Наше верующее сердце жаждет получить здесь за нашими Богослужениями те неисчерпаемые благословения Божии, какие преподаются через наши священные обряды, многократное благословение священнослужителей, слова молитв, помазание освященным елеем. Среди своей суетной жизни и своих земных скорбей и тревог душа ищет благословляющей руки Небесного Отца.

Здесь мы целуем святые иконы, прославленные великими милостями от лица тех, кто на них изображен: Божией Матери, Святителя Николая, Великомученика Пантелеимона и других угодников Божиих. И своей верующей душой мы знаем, что, по вере нашей через молитву у подножия святых икон, когда мы всей душой отдаемся молитве, совершаются чудеса милости и к нам от Господа, Божией Матери и святых угодников.

В каждом православном храме есть святые иконы, какие наш простой верующий народ называет «намоленными» иконами. Перед ними молились многие поколения в течение целого ряда веков. И при одном только приближении к такой иконе у нас загорается новый огонь веры в милосердие Божие, которое изливалось при поклонении этой святыне многим из живших до нас. И мы веруем верой своего сердца, что через эти святыни, источавшие Благодать Божию нашим предкам, не останутся без небесного отклика и наши мольбы.

Здесь, в храме Божием, мы напояем свою бессмертную душу той пищей, какой не может дать нам мир земной. Мы питаемся словом Божиим, оставленным нам Господом Богом на все времена для нашего утешения, ободрения и для нашего научения.

Никакой пытливый человеческий ум не избежит неотвязного для него вопроса: что же ждет нас после смерти? Неужели одна участь ожи-

дает и меня, и то мое домашнее животное, которое ласкается у моих ног? Неужели мы оба превратимся в груды тлеющих костей и через недолгое время от нас не останется и праха? Ни одна земная книга не ответит пытливому уму на этот естественный для живого человека вопрос. Ответит на него слово Божие, насыщающее нашу бессмертную душу, ответит ясно и просто. Оно скажет нам, что смерти для бессмертной души нет, никто из лежащих во гробе не мертв, а только уснул своим телом до всеобщего воскресения из мертвых, перейдя бессмертной душой в жизнь, не знающую конца. Живы мои родители, живы мои предки, живы все, кто когда-либо жил на земле. «Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Мф. 22, 32), — говорит нам слово Божие.

И как дитя простирает свои ручонки к груди матери, так наша душа устремляется к Тому, Кто не только дает ответ на вопросы жизни и смерти, но Кто, будучи нашим Небесным Отцом, научает нашу бессмертную душу, как надо готовить себя к жизни будущего века, Кто говорит нам о том, какое вечное счастье раскроется перед каждым, имеющим счастье в своей земной жизни веровать в Господа, за Ним идти, с Ним умирать.

Мы идем сюда за священной Пищей, какую подает нам Господь Иисус Христос в Своих Божественных Тайнах Тела и Крови. Ведь взаимно любящие друг друга ищут общения между собой и не хотят разлуки. И мы, дети своего Небесного Отца, спешим в святой храм, чтобы здесь переживать святые минуты общения нашей души с Господом, и не только через молитву, не только через слово Божие, но чтобы через Святые Тайны Христовы вступать в самое тесное, в самое живое общение, и телом и душой, с нашим Сладчайшим Господом. Святое Причащение — это вершина того счастья веры, какое подается каждому, кто эту веру носит в своем сердце.

У нашей бессмертной души есть свои болезни, у нас множество скорбей, всяких забот, испытаний, какие мы должны неизбежно встретить и встречаем в своей земной жизни. На сердце у нас тяжесть греховная. Мы идем в храм к своему Господу, в Которого веруем, как в Небесного Врача душ и телес наших. Здесь мы говорим Ему о своих скорбях, приносим к Нему свое греховное бремя, плачем о своих грехах. Здесь наша душа, утешаясь и очищаясь Благодатью Святого Духа, становится окрепшей для всех земных испытаний. Кто искренно, от всего своего сердца помолится Господу за нашим Богослужением, тот не может не выйти из храма с духовными силами, обновленными для того, чтобы продолжать человеку нести свой земной труд и идти путем заповедей Божиих к вечной жизни.

Вот потому и люди, которые шли за Господом в пустынное место, забыли о своем голоде и обо всех своих земных заботах. Вот почему переполняются и наши святые храмы до тесноты и духоты. «Не хлебом одним будет жить человек» (Мф. 4, 4), — сказал Господь Спаситель.

Его слово имеет неумирающую силу на все времена. И после нас с вами, мои дорогие, когда на этом месте моей проповеди будут стоять мои преемники и слушать их будут уже не вы, а ваши дети и внуки, бессмертная душа будет тянуться к своему Отцу, как влекут к себе дитя объятия любящей матери, как рвется это дитя прижаться к материнской груди и чувствовать себя на руках родной матери спокойно и счастливо.

Это счастье питаться Нетленной Пищей, счастье вечной жизни, вечных радостей, которым не будет конца для верных детей Божиих, подает нам наш Сладчайший Спаситель. Это Он призывает нас в храмы, собирая на молитву. Это Он одаривает нас Своими небесными благословениями. Такова Его неиссякаемая любовь к людям.

Стоя здесь перед лицом своего Господа, мы веруем, что Он, соглас-

но Своему обещанию, всегда верный Своему Божественному слову, Сам сейчас обходит ваши ряды и незримо благословляет открытые перед Ним сердца.

И хочется мне из глубины моего сердца пожелать всем вам, мои дорогие, чтобы ни у кого из вас никогда не угасал свет нашей православной веры в Господа Иисуса Христа, Сына Божия, за нас распятого и в третий день воскресшего, чтобы все вы утешали и питали свои души этой верой и той святой пищей, какая здесь подается нам.

Готовьте свои души к вечной жизни, к той жизни в Доме Небесного Отца, где мы призваны праздновать вечную Пасху у Господа Спасителя вместе со всеми праведниками и Преблагословенной Небесной Матерью.

Всей своей грешной душой я прошу у Господа Спасителя: да покроет Он всех вас Отческим покровом Своей любви и благословений; да подаст всем вам Свои нескончаемые милости; да укрепит нашу слабую веру, чтобы все мы своею жизнью славили Его Пресвятое Имя и удостоились вечной жизни.

Митрополит Николай

ОТХОД ВАТИКАНА ОТ ОСНОВ ХРИСТИАНСТВА

(Окончание) ¹

Из существа Церкви, как Тела Христова, как Богочеловеческого организма, естественно, вытекают не только главенство Христа в Церкви и ее существенные свойства, но и органический характер и вместе с тем основной закон жизни тела Церкви. Об этом так говорит один из православных экзегетов: «Как обыкновенное тело растет, увеличивается, так и тело Христово создается (Ефес. 4, 12), творит возвращение (4, 16). Как в теле каждый член имеет свое особое назначение, служа целому, так и тело Церкви составляется и совокупляется «при действии в меру каждого члена» (4, 16). Как в теле нет распри, а все члены образуют единое целое, так и в Церкви Христовой мы все примирились в одном теле (2, 16), образуем одно тело, одушевленное одним духом (4, 4). Как в теле есть свои связи, своя система питания, так существуют они и в Церкви Христовой (4, 16; ср. Кол. 2, 19)» ².

Характер и особенности жизни тела Церкви частнее раскрывает Апостол Павел на примере человеческого тела (1 Кор. 12, 12—27). Здесь он исходит из того положения, что тело состоит не из одного члена, а из многих. Ни один член тела не может сказать другому, что он ему ненадобен, напротив, все они одинаково заботятся друг о друге, причем о слабейших из них прилагают особое попечение. Страдание одного члена влечет за собой страдание всех членов, радость одного сообщается всем членам. «И вы — тело Христово, а порознь — члены» (1 Кор. 12, 27), — заключает Апостол.

Действительно, «как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос» (1 Кор. 12, 12). Св. Иоанн Златоуст в толковании на эти слова Апостола говорит: «Не сказал: многие члены принадлежат одному телу, но: единое тело есть многое, и многие члены его суть единое. Если же многое есть единое, а единое многое, то где различие?.. Будучи рассматриваемы собственно в отношении к составу тела, все они едино, а когда рассматриваются порознь, тогда — различие, и притом различие во всех их. Ни один из них не может сам по себе составить тело, — необходимо для этого их (членов) соединение; когда многое делается единым, тогда и составляется тело». Другими словами: «То и составляет особенность тела, что в нем многое и различное составляет одно; а если бы не было множества, то не было бы и тела» ³. — «В составе тела ни один член не имеет преимущества перед другими; и не то составляет тело, что в нем иной (член) важнее, а иной маловажнее, но то, что в нем много (членов) и притом различных» ⁴.

¹ См. «Ж. М. П.», 1951 г., № 1.

² Богдасhevский Д. И. Письмо св. Ап. Павла к Ефесянам. Киев, 1904, стр. 51.

³ Св. Иоанн Златоуст, Творения, X, стр. 297, 299.

⁴ Там же, стр. 310.

«Так и Христос, — говорит Апостол. — Надлежало бы сказать, так и Церковь, — это именно следовало из предыдущего, — но он не сказал так, а, вместо Церкви, наименовал Христа... Смысл слов его следующий: так и тело Христово, которое есть Церковь... Как наше тело есть нечто единое, хотя состоит из многих членов, так и в Церкви все мы составляем нечто единое: хотя она состоит из многих членов, но эти многие суть одно тело»⁵. Как «члены (тела) имеют основание своего бытия не столько в собственной природе, сколько в том, что составляют одно тело»⁶, так и в теле Церкви. Назначение членов церковного тела для всех одно, чтобы они, по Апостолу, «истинною любовью все возвращали в Того, Который есть Глава, Христос». Возвращая все во Христа, всё направляя к Нему, члены тела Церкви не в себе самих, а во Христе имеют основание для своего роста; они растут, можно сказать, из Него⁷.

Далее Апостол изображает сокровенную сущность внутренней жизни тела Церкви и ее основной закон, когда продолжает: «... из Которого все тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самих себя в любви» (Ефес. 4, 16). Эти трудные для понимания слова из послания Апостола прекрасно изъяснил св. Иоанн Златоуст: «...Вот что означают его (Апостола) слова: как дух... не просто сообщает посредством нервов чувствительность всем членам, но — сообразно с каждым из них — тому, который способен принять больше, и сообщает больше, а который меньше, тому меньше, (потому что дух есть корень жизни), так и Христос. Так как наши души так же зависимы от Него, как члены тела (от духа), то Его промысление и раздаяние даров, сообразно с мерою того или другого члена, производят возвращение каждого... Этот дух, распределяющийся по членам... прикасаясь к каждому из них, таким образом производит на них свое действие. Или иначе:... дух... прикасаясь ко всем членам и распределяясь по ним, сколько каждый из них может принять в себя, так возвращает... Но почему он (Апостол) прибавил слово — в любви? Потому что этот дух иначе не может сообщить. В самом деле, если бы случилось руке отделиться от тела, дух (истекающий) из головного мозга, ища продолжения и не находя его там, не срывается с тела и не переходит на отнятую руку, но если не найдет ее там, то и не сообщается ей. То же бывает и здесь, если мы не связаны между собою любовью...»⁸.

Любовь воссозидает, соединяет, сближает и сопрягает нас между собою. Итак..., будем в союзе друг с другом. Есть два рода отделения от Церкви: один, когда мы охлаждаем в любви, а другой, когда мы осмеливаемся совершать что-нибудь недостойное по отношению к этому телу (Церкви). В том и другом случае мы отделяемся от целого»⁹.

«Все, что только отделилось от жизненного начала, не может, с потерю спасительной сущности, жить и дышать особою жизнью, — пишет св. Киприан Карфагенский. — Отдели солнечный луч от его начала, — единство не допустит существовать отдельному свету; отломи ветвь от дерева, — отломленная потеряет способность расти; разобщи ручей с его источником, — разобщенный иссякнет»¹⁰. Так и самое пребывание верующих в составе тела Церкви и самый рост их возможны только

⁵ Св. Иоанн Златоуст, Творения, X, стр. 297.

⁶ Там же, стр. 309.

⁷ Толковая Библия, X, 258.

⁸ Св. Иоанн Златоуст, Творения, XI, 100—101.

⁹ Там же, стр. 102.

¹⁰ Св. Киприан, Творения, ч. 2, стр. 180.

при любви: «если хотим получить Духа от Главы, будем в союзе друг с другом». Таков основной закон жизни тела Церкви.

От изображения внутреннего характера жизни тела Церкви перейдем к внешним ее проявлениям, т. е. к изложению служений церковных, значение которых определяется все тем же существом Церкви, как Тела Христова.

Тело Церкви создается, растет «при действии в меру каждого члена» (Ефес. 4, 16). «Для созидания тела Христова необходимы все члены и только в этом смысле они равны между собою; между ними существует равенство необходимости их в служении, равенство долга, но не чести и преобладания одних над другими. В первом случае получается христианское всесвященство, а во втором — особые виды служений и, в частности, церковно-иерархическое служение (1 Петр. 2, 9—10; ср. 1 Кор. 12, 28—30)»¹¹.

Для нашей цели необходимо остановиться сейчас как на особых, чрезвычайных видах служения Церкви, так, в особенности, на церковно-иерархическом служении»¹².

Но ясное и полное уразумение этих служений Церкви возможно лишь при условии уяснения смысла Пятидесятницы, т. е. того события, после которого начала действовать созданная Христом Церковь. Рассмотрим этот вопрос необходимо и потому еще, что он нам будет нужен при разборе основного догмата Римской Церкви — о главенстве папы.

Из первой проповеди Апостола Петра мы знаем, что в славном событии, совершившемся в день Пятидесятницы, заключается исполнение пророчеств и завершение того великого дела спасения людей, которое исполнил на земле воплотившийся, распятый и воскресший Господь Иисус Христос. В ответ на эту проповедь, как известно, со стороны слушавших был вопрос: «Что нам делать, мужи братия?». Петр ответил: «Покайтесь и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, — и получите дар Святого Духа» (Деян. 2, 37—38). И присоединилось в этот день к Церкви до трех тысяч человек. В другой день присоединилось пять тысяч. Так, с сошествием Святого Духа на Апостолов, начала действовать на земле Церковь, царство Святого Духа, Освятителя рода человеческого.

«В пятидесятницу, — говорит св. Кирилл Иерусалимский, — снизошел с небес Утешитель и Освятитель Церкви, правитель душ, кормчий обуреваемым, просветитель заблудших, подвигоположник подвизающихся и раздаятель венцов победившим. Снисшел для того, чтобы облечь силою и крестить Апостолов: «вы же имате креститися Духом Святым не по мнозех сих днех» (Деян. 1, 5). Не частная это благодать, а всесовершенная сила, ибо, как погружающийся и крестящийся в водах отовсюду окружается водами, так и Духом крещены они были всецело»¹³.

Синаксарь в день Святого Духа еще более подчеркивает эту особенность Пятидесятницы: «В день Пятидесятницы Он (Дух Святый) существенно сошел на Апостолов, в виде огненных языков... Не на устах Апостолов почил Дух Святый, но на главах их, объемля то, что владычествует телом и выше, — объемля самый ум, от которого и уста получают силу и смысл речи. Но можно понимать и так, что образом языка Дух испускает некий глас, как бы рукополагая Апостолов, учителей всей поднебесной; ибо рукоположение бывает на верху глав... Христос троекратно преподавал Своим ученикам Всесвятого Духа»¹⁴.

¹¹ Е. Аквилон, Цитир. соч. «Церковь...», стр. 244.

¹² О христианском всесвященстве мы будем говорить несколько дальше.

¹³ Св. Кирилл Иерусалимский, Огласительное слово 17-е.

¹⁴ Синаксарь, в переводе Мироносицкого на русский язык, «Пятидесятницу празднуем», СПб, 1913.

О событии Пятидесятницы еще яснее и точнее говорит св. Григорий Богослов: «Дух Святой действовал в отцах и пророках..., после же сего действовал в учениках Христовых и в них тоекратно, по мере их удобриемлемости в три различные времена: до прославления Христова страданием, по прославлении воскресением и по вознесении на небо, или по устроении (Деян. 3, 21), как показывает: (1) первое очищение от болезни и духов, производящееся, конечно, не без Духа; (2) также по совершении Домостроительства, дуновение Христово, которое, очевидно, было Божественным вдохновением, и, наконец, (3) нынешнее разделение огненных языков... Но первое было неясно, второе явственнее, а нынешнее — совершенное: ибо не действием уже, как прежде, но существенно присутствует и, как бы сказал иной, пребывает и сожительства Дух»¹⁵.

«Дух Святой наполнил весь дом, чтобы показать, что дар этот дарован не отдельно кому-нибудь, но всей полноте Церкви, потому что дом был символом Церкви»¹⁶. Существенное пребывание в Церкви Духа Святого, между прочим, косвенно свидетельствуется канонами церковными — 68-м правилом св. Апостолов, 36-м и 59-м правилами Карфагенского собора, в силу которых «тайнство священства считается неповторимым»¹⁷.

О значении Духа Святого в жизни тела Церкви Блаж. Феофилакт говорит так: «Как в теле дух есть начало, все связывающее и объединяющее, хотя члены различны, так и в верующих есть Дух Святой, Который объединяет всех, хотя мы разнимся друг от друга и родом, и нравами, и занятиями»¹⁸.

Таким образом, Церковь, как и Апостол говорит, — не только «едино тело», но и «един Дух» (1 Кор. 12, 11—13; Ефес. 4, 3—4). Она — царство Святого Духа. В ней со дня Пятидесятницы существенно присутствует Дух Святой. Он «дарован не отдельно кому-нибудь, но всей полноте Церкви». Поэтому Церковь есть действительно сокровищница жизни, действительно «Полнота Наполняющего все во всем» (Ефес. 1, 23). Вот почему Спаситель повелел Апостолам не отлучаться из Иерусалима, пока не облечутся «силою свыше» (Лк. 24, 49), пока не получат от Отца обещанного им иного Утешителя, пока «не будут крещены Духом Святым» (Деян. 1, 4—5 и 8). «Вначале они (Апостолы) были крещены от Иоанна..., после этого должны были креститься Духом Святым»¹⁹. — «Св. Дух... обещается Апостолам, как объединяющее начало Отца, Сына и искупленного Им человечества»²⁰. Кроме того, с сошествием Святого Духа последовало «полное посвящение Апостолов в тайны Царствия Божия»²¹. Словом, только с пришествием Святого Духа получила свое устроениевятая Церковь.

Крещение Духом Святым переродило учеников Христа. «С пришествием Духа, — говорит св. Иоанн Златоуст, — они изменились и стали выше всего плотского, потому что, где является Дух Святой, там и бранные становятся золотыми. Посмотри, например, прошу тебя, на Петра и узнай в нем того человека — боязливого, неразумного..., человека, который... прежде... не вынес вопроса... служанки, а теперь среди толпы народной, когда все дышит убийством, говорит с таким дерзновением... Обрати также внимание на единодушие Апостолов: они уступают ему говорить к народу, потому что не следовало говорить

¹⁵ Св. Григорий Богослов, Слово 4-е. Творения, IV, стр. 12.

¹⁶ Блаж. Феофилакт (болгарский). Толкование на Послания св. Апостолов, Казань, 1867, стр. 123.

¹⁷ Митрополит Макарий, II, стр. 496.

¹⁸ Блаж. Феофилакт, Цитир. соч., стр. 123.

¹⁹ Св. Иоанн Златоуст, Творения, IX, стр. 15.

²⁰ Блаж. Феофилакт; Толковая Библия, X, 4.

²¹ Толковая Библия, X, 5.

всем»²². Только со дня Пятидесятницы Апостолы вступили в служение всемирное, в служение «учителей всей поднебесной»²³. Только с этого дня они, отмеченные «силою свыше», приступили к выполнению главнейших повелений Христовых: «Шедше... научите вся языки, крестяще их...» (Мф. 28, 19), т. е. заповеди крещения; «сие творите в Мое воспоминание» (Лк. 22, 19), т. е. заповеди об евхаристии и заповеди — вязать и решить (Ио. 20, 23; Мф. 18, 18).

Первоначально Апостолы были единственными служителями Христовыми и «домостроителями таин Божиих» (1 Кор. 4, 1), а потом жизнь тела Церкви вызвала и другие служения. В Деяниях Апостольских мы находим упоминание о служении: апостолов (14, 14), пророков и учителей (13, 1), благовестников (21, 8), диаконов (6, 6), пресвитеров (14, 23) и епископов (20, 28). Служителей Христовых перечисляет и Апостол Павел: Христос «поставил одних Апостолами, других — пророками, иных Евангелистами, иных — пастырями и учителями... для созидания тела Христова» (Ефес. 4, 11—13). В Послании к Коринфянам Апостол упоминает особо «учителей» (1 Кор. 12, 28—30).

Характерно, что св. Иоанн Златоуст рассматривает носителей этих служений как членов Тела Христова, т. е. Церкви. Он говорит: «Апостол есть самый удобный сосуд тела (т. е. Церкви Христовой), принимающий из него все. Как бы посредством жил и артерий, он посредством слова способствует к сообщению всем жизни вечной. Пророк предсказывает будущее: и он (Апостол) делает то же самое. Тот соединяет кости, а этот сообщает им жизнь к совершению святых в дело служения»²⁴. Хотя и различны служители Церкви, но все они — служители Христовы, сосуды, или члены, тела Церкви. Различаясь от других тем или другим служением, они не различаются от них, как члены тела Христова.

Служение апостолов, пророков и учителей было чрезвычайным служением. Из них прежде всех прекратилось служение апостольское. Пророков слышал еще Ириней Лионский († 202). Учители (*διδασκαλοι*) церковные упоминаются у Оригена и Дионисия Александрийского (вторая половина III в.). Таким образом, чрезвычайные служения просуществовали до III в. включительно. Особенностью их было то, что они «не ограничивались какою-либо одною Церковью, а простирались на всю Церковь, не были столь местными, как церковная иерархия»²⁵. Задачей их было основание новых Церквей, а целью — более быстрое распространение христианства. Памятник конца I или начала II в. — «Учение 12 Апостолов» — свидетельствует, что апостолы и пророки даже не могли долго оставаться на одном месте: «Относительно апостолов и пророков, соответственно постановлению Евангелия поступайте так. Всякий приходящий к вам апостол да будет принят, как Господь... Но он пусть не останется долее одного дня; если же будет нужда, то и на другой день»²⁶. Из этого же памятника видно, что служение пастырское стало заменять собою чрезвычайные служения. «Поставляйте (*χειροτονείτε*), — говорится в этом памятнике, — себе (т. е. для отдельной христианской общины) епископов и диаконов, достойных Господа... ибо и они (а не только апостолы, пророки и учителя) исполняют для вас служение пророков и учителей. Посему не презирайте их, ибо они должны почитаться вами вместе с пророками и учителями»²⁷.

²² Св. Иоанн Златоуст, Творения, IX, стр. 47.

²³ Синаксарь.

²⁴ Св. Иоанн Златоуст, Творения, XI, 102.

²⁵ Проф. М. Скабалланович. Толковый Типикон, вып. I, Киев, 1910, стр. 29.

²⁶ А. Карашов. О новозаветном памятнике «Учение 12 Апостолов», М. 1896: прилож. XXIV.

²⁷ Там же, стр. XLI.

О замене чрезвычайного служения пастырским говорит современник Апостолов, св. Климент Римский: «Апостолы, получив совершенное предведение, поставили служителей и притом назначили преемников, дабы, когда одни почиют, другие испытанные мужи принимали на себя служение их»²⁸. После прекращения чрезвычайных служений апостолов, пророков и учителей остались, из перечисленных Апостолом Павлом, служения пастырей и учителей (Ефес. 4, 11—13). Это — не два вида служения, а одно, как об этом говорит блаж. Иероним: «Не сказал: овы пастыри, овы учителя, — показывая тем, что это одни и те же лица, и научая, что, кто пастырь, тот должен быть и учитель»²⁹. Это подтверждает и греческий текст данного места (Ефес. 4, 11—13): перед словом «учителями» не поставлено определенного члена, между тем как он есть перед словом «пастырями». Таким образом, это — одно и то же служение, служение пастырское.

Из «Учения 12 Апостолов» мы уже знаем, что местные епископы исполняли то же служение, что и пророки, и учителя, и должны были почитаться наравне с последними. Служение Апостолов, с его прекращением, также приняли на себя епископы, как преемники Апостолов. Вот почему достоинство епископа ставилось всегда высоко. Так, св. Игнатий Богоносец пишет: «Все последуйте епископу, как Иисус Христос Отцу, а пресвитерам, как апостолам, диаконов же почитайте, как заповедь Божию»³⁰. И еще: «Блаженны вы, которые соединены с ним (епископом) так же, как Церковь с Иисусом Христом и как Христос с Отцом, дабы все было согласно чрез единение» (Еф. 5), ибо «без них (епископов, пресвитеров и диаконов) Церковь не именуется»³¹. Св. Тертуллиан (II в.) говорит: «без епископа нет Церкви»³².

В письме к св. Киприану св. Фирмилиан пишет: «Власть отпускать грехи дарована Апостолам и Церквам, которые они, будучи посланы Христом, основали, и епископам, которые наследовали им по преемственному посвящению»³³. «Феодорит замечает (in Corinth. 12, 25), что... древние христиане, называющихся ныне епископами, апостолами именовали»³⁴. Св. Амвросий Медиоланский пишет: «Епископ представляет собою Лицо Христа и есть Наместник Господа (vicarius Domini est)»³⁵. Наконец, в Православном Исповедании говорится: «Епископ в своей частной Церкви или епархии есть местоблюститель Христов»³⁶.

Итак, ясно, что епископы — преемники апостолов.

Но какое различие между епископами и пресвитерами? На это так отвечает св. Иоанн Златоуст: «Невелико расстояние между пресвитерами и епископами. И первые получили дар учительства, и также суть предстоятели Церкви... Епископы одним только (правом совершать) рукоположение (τῇ χειροτονίᾳ μόνῃ) выше пресвитеров, и в этом одном заключается их видимое преимущество перед пресвитерами»³⁷.

Пресвитеры имеют попечение об отдельной общине верующих, епископы — о совокупности таких общин, т. е. об епархии, патриарх — о совокупности епархий в местной Церкви. Вопросы местной Церкви разрешались ею же. Вопросы, касающиеся всего тела Церкви, разрешались собором. Так именно и поступили Апостолы, когда при них возникли

²⁸ Св. Климент Римский. I посл. к Кор., стр. 44.

²⁹ См. Еп. Никанор, Толк. Апост., стр. 430.

³⁰ Св. Игнатий Богоносец, Послание к Смирнянам, 8.

³¹ Он же, Послание к Тралл., 3.

³² См. Митрополит Макарий, II, 216.

³³ См. Проф. А. Л. Катанский, Догматическое учение о таинствах, «СПБ», 1877, стр. 567.

³⁴ Там же, стр. 171, примечание.

³⁵ См. Митрополит Макарий, т. II, стр. 215.

³⁶ «Православное Исповедание», ч. I, ответ на вопрос 85.

³⁷ Св. Иоанн Златоуст, Творения, XI, стр. 690.

споры относительно обрезания уверовавших из язычников. Вопрос касался всей Церкви, и Апостолы вместе с пресвитерами составили Собор для рассмотрения этого вопроса. После долгого обсуждения постановили: «Изволися Святому Духу и нам» (Деян. 15, 28) не возлагать на уверовавших из язычников бремени иудейского закона.

По примеру Апостолов, Церковь для утверждения истины догматов и осуждения ересей, а также для установления порядка и строя своей жизни собиралась на Вселенские и поместные Соборы. Семь Вселенских Соборов, на протяжении немного более четырех с половиной веков, утвердили и оградили от искажения основные догматы христианства: догмат о единосутии лиц Пресвятой Троицы (I и II Всел. Соб.) и догмат Боговоплощения (III, IV, V, VI, VII Всел. Соб.), на которых зиждется Церковь Христова. Соборы осудили все ереси, пытавшиеся с разных точек зрения исказить основу жизни тела Церкви, чтобы направить жизнь ее по языческому руслу, лишь под знаменем христианства. Эти же Вселенские Соборы и девять поместных урегулировали каноны как внешний строй церковной жизни, так и поведение христиан в отношении к Церкви.

Постановлениями этих Соборов Восточная Православная Церковь неизменно руководствовалась как до отпадения Римской Церкви от единства Христовой Церкви, так и после отпадения, и продолжает руководствоваться ими до настоящего времени. Восточная Православная Церковь имеет ту же самую основу, то же самосознание, какое имела Церковь Христова при Апостолах и в эпоху Вселенских Соборов. Она в своей жизни и деятельности неизменно исходит из апостольского определения Церкви, как Тела Христова. Она есть Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь.

*
* *

После обзора различных служений Церкви, начиная с апостольского и кончая Вселенскими Соборами, нам следует перейти к вопросу о назначении всех этих служений. Назначение для всех служителей Христовых Апостол указывает одно: они поставлены Богом «к совершению святых, на дело служения, для созидания тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Ефес. 4, 12—13). «Определяя обязанности пастырей, Апостол указывает на три: усовершенние христиан в вере и жизни, освящение их таинствами и приложение к Церкви новых верующих»³⁸.

Мы подошли к самому главному моменту жизни церковного организма — к таинствам. В них — средоточие всей жизни Церкви; они необходимое условие для роста тела Церкви. Таинства — это те составы и связи, которыми соединяется и скрепляется все тело Церкви. «Составы» и «союзы», соединяющие тело Христово, происходят, именно, из Его Главы — Кол. 2, 19 — и настолько объединяют верующих, что все они образуют из себя «как бы одного человека», имея одно сердце и одну душу (Деян. 4, 32)»³⁹. Такое единство, о котором именно и молился Христос, достигается только через таинства.

К изложению православного учения о таинствах мы и перейдем. Первоначально апостолы были единственными проповедниками Христовой веры и совершителями таинств. В первый же день Пятидесятницы они крестили около трех тысяч уверовавших, в другой день — пять тысяч. Апостолы же совершали евхаристию (Деян. 2, 46), прида-

³⁸ Е. п. Никанор. Толковый Апостол, СПб. 1904, стр. 430.

³⁹ Е. Аквилонев. «Церковь», СПб. 1914, стр. 241.

вали ей известную форму (4 Кор. 11, 23—26)⁴⁰. Так возникло богослужение и средоточие его — литургия. О трех тысячах, присоединившихся к Церкви, говорится, что «они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах» (Деян. 2, 42). Здесь мы имеем основные части христианского богослужения: учение, общение друг с другом вплоть до общения в имуществе, евхаристию и молитвы.

Кроме проповеди и совершения таинств и богослужения, на Апостолах была обязанность питания бедных и вдовиц, устройство общих трапез. Количество верующих, между тем, быстро росло. Жизнь Церкви усложнялась и вызвала прежде всего диаконское служение. «Тогда двенадцать Апостолов, созвавши множество учеников, сказали: не хорошо нам, оставивши слово Божие, пеших о столах» (Деян. 6, 2). Для заботы «о столах» и были избраны семь мужей, и «их поставили пред Апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки».

По указанию Духа Святого были поставлены на служение апостольское Варнава и Савл: «В Антиохии, в тамошней Церкви, были некоторые пророки и учителя... Когда они служили Господу и постились, Дух Святой сказал: отдели мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они, совершивши пост и молитву и возложивши на них руки, отпустили их» (Деян. 13, 1—3). На какое дело? «На апостолство», — изъясняет св. Иоанн Златоуст⁴¹.

Далее о Варнаве и Савле говорится, что они, второй раз проходя Листру, Иконию и Антиохию, рукополагали пресвитеров к каждой Церкви (Деян. 14, 23). Ап. Павел вызвал в Милит Ефесских епископов для беседы с ним и наставления (Деян. 20, 17). Тимофей был рукоположен во епископа Ап. Павлом (2 Тим. 1, 6). Так возникли три степени церковной иерархии: диаконов, пресвитеров и епископов. Мы видим, что Апостолы сами рукополагали: на служение епископа (2 Тим. 1, 6), на служение пресвитеров (Деян. 14, 23) и на служение диаконов (Деян. 6, 6). Рукоположение на последние две иерархические служения они предоставили епископу (Тит. 1, 5; 1 Тим. 5, 22). По первому правилу Св. Апостолов, епископ должен быть рукополагаем двумя или тремя епископами. Рукоположение в степень священства совершалось через возложение рук и произнесение молитвы.

В чем же суть таинства рукоположения, или священства? Из наставлений Ап. Павла к Тимофею видно, что епископство — это Дар Божий. Он пишет Тимофею: «Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства» (1 Тим. 4, 14). И в другом послании к нему же он наставляет своего ученика: «Напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе чрез мое рукоположение» (2 Тим. 1, 6). Не просто дар, не вообще дар, а дар определенный, дар рукоположения, почему в греческом тексте и стоит слово «дар» с членом. Исходя из этого, и св. Иоанн Златоуст истолковывает этот «дар Божий», как «благодать Духа, которую принял (Тимофей) для предстоятельства в Церкви, для знамений «всякого служения»⁴². Таков дар епископства. Он дается для «всякого служения». Другими словами, через хиротонию рукополагаемому во епископа сообщается та полнота даров Святого Духа, которую апостолы получили в день Пятидесятницы.

Великой «чести удостоила священников благодать Духа. Ими совершается жертвоприношение, совершаются и другие высокие служения, относящиеся к достоинству и спасению нашему. Еще живут и обращаются на земле, а поставлены распоряжаться небесным и получили

⁴⁰ А. Петровский. Апостольские литургии Восточной Церкви. СПб. 1897. стр. 1.

⁴¹ Св. Иоанн Златоуст. Творения, IX, 252.

⁴² Он же, XI, 759.

власть, которой не дал Бог ни Ангелам, ни Архангелам». Здесь разумеется власть вязать и решить... Без этой власти «нам невозможно получить спасение и обетованные блага»⁴³. По выражению Св. Игнатия Богоносца, без священства «Церковь не именуется».

Пользуясь словами Ириней Лионского, мы можем сказать, что таинство священства есть «отличительный признак Тела Христова, состоящий в преемстве епископов, которым те передали сухую повсюду Церковь»⁴⁴. Через рукоположение посвящаемому сообщается, как говорит Митрополит Филарет, «ток иерархической благодати, изливающейся на Апостолов сошествием Св. Духа, простирающийся от рода в род, из века в век, через преемственные рукоположения, сообщающий рукополагаемым дарование Божие, оттоле живущее в них (1 Тим. 4, 14) и тайно в Церкви действующее... От сей полноты дарования Божия епископ своим рукоположением преподает в меньшей мере благодать священства, необходимую для низших степеней иерархии, так что без епископства не было бы ни пресвитерства, ни диакона;.. с пресечением рукоположения пресекается ток иерархической благодати, и рука, не орошенная благодатию свыше, не может передать другим того, чего сама не приняла»⁴⁵. Таково таинство священства по своему происхождению и по значению для жизни тела Церкви.

Перейдем к другим таинствам, т. е. к тем связям, благодаря которым верующие вводятся служителями Христовыми «в сочленение бессмертного тела Церкви»⁴⁶ и становятся одним телом, «как бы одним человеком», по выражению св. Иустина мученика.

Из прободенного копием ребра Иисуса Христа «истекла кровь и вода» (Ио. 19, 34). «Не без значения и не случайно истекли эти источники, но — потому, что из того и другого составлена Церковь. Это знают посвященные в таинства; водою они возрождаются, а кровию и плотию питаются. Так, отсюда получают свое начало таинства»⁴⁷.

Из семи таинств Церкви крещение занимает первое место. Оно служит дверью в самую Церковь и потому непременным условием спасения: «Кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ио. 3, 5); «кто будет веровать и креститься, спасен будет» (Мр. 16, 16). Принимая крещение, человек изъявляет свое согласие или свою веру в искупающее действие благодати Св. Духа. Крещение совершается через троекратное погружение крещаемого в воду с произнесением совершительных слов.

Значение таинства крещения видно из слов Апостола: «Все мы одним Духом крестились в одно тело» (1 Кор. 12, 13). «Смысл слов его следующий, — говорит св. Иоанн Златоуст, — один Дух составил из нас одно тело и возродил нас, потому что не иным Духом крещен один и иным другой. И не только крестивший нас (Дух) есть един, но и то, во что Он крестил, т. е. для чего крестил, есть едино, так как мы крестились не для того, чтобы составлять различные тела, но чтобы мы в точности составляли одно тело в отношении друг к другу, то есть крестились для того, чтобы всем нам быть одним телом»⁴⁸.

Погружение, — именно погружение, а не окропление. — в такую воду с произношением совершительных слов и производит возрождение человека, делает то, что все мы становимся «одним телом» (св. Иоанн Златоуст), все мы входим «в сочленение бессмертного тела Церкви» (Митрополит Филарет).

⁴³ Св. Иоанн Златоуст. Творения, III, 426.

⁴⁴ Св. Ириней Лионский. Против ересей, IV, 33, 8.

⁴⁵ См. «Православное Обозрение», 1886 г., 2 кн., стр. 68.

⁴⁶ Митрополит Филарет. Слова и речи, 1848, I, стр. 99.

⁴⁷ Св. Иоанн Златоуст. Творения, VIII, стр. 577.

⁴⁸ Он же, X, стр. 298.

«В крещении мы только очищаемся от грехов и возрождаемся силою Св. Духа, но не удостоиваемся еще принять Его в себя и соделаться Его храмами: через миропомазание преподается нам Дух Святой со всеми Его благодатными дарами, необходимыми для жизни духовной (Прав. Испов., ч. 1, отв. на вопр. 105)»⁴⁹.

Миропомазание совершалось и совершается вслед за крещением и первоначально совершалось Апостолами чрез возложение рук, как это видно из кн. Деяний Апостольских (Деян. 8, 12—17). Подобное произошло с учениками Иоанновыми, которые, после крещения и потом возложения на них рук Ап. Павлом, получили Духа Святаго (Деян. 19, 5—6). О возложении рук говорит Ап. Павел в послании к Евреям (6, 1—5), говорит, как о действии, следующем вслед за крещением.

Возложение рук было заменено самими Апостолами помазанием мира. По свидетельству Дионисия Ареопагита, сами Апостолы это таинство называли «таинством мира»⁵⁰. Ап. Иоанн Богослов и Ап. Павел называют это таинство «помазанием» (1 Ио. 2, 20; 2 Кор. 1, 21).

Сила и значение таинства миропомазания раскрыты Ап. Иоанном Богословом и Ап. Павлом. Первый пишет: «...вы имеете помазание от Святого и знаете все... помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте» (1 Ио. 2, 20 и 27). Подобным образом учит и Ап. Павел: «Утверждающий нас с вами во Христе и помазавший нас есть Бог, Который и запечатлел нас и дал залог Духа в сердца наши» (2 Кор. 1, 21). Слова — «помазание» у Иоанна Богослова и «залог» у Ап. Павла в греческом тексте поставлены с членом. Они имели в виду не вообще помазание, или дар, не вообще залог, или обручение Духа, а определенное и всем известное помазание, или обручение Духа, которое принявший крещение получает в таинстве мира, «как и объяснили оба приведенные текста древние учителя Церкви»⁵¹.

Через это таинство «мы... все, как один человек... составляем первосвященнический истинный род Божий» (св. Иустин мученик). Другими словами, миропомазание, «вводя нас в недра... Церкви, делает нас причастниками благословения Пятидесятницы»⁵².

Такова сущность таинства миропомазания и отличие его от иерархического священства. Для созидания тела Христова нужно и то и другое служение, а отсюда необходимо нужны и оба таинства: таинство священства, как источник «всякого служения», предназначенного для других членов Церкви, и таинство миропомазания, как основа для соделывания себя храмом Св. Духа и тем самым для созидания тела Христова, т. е. Церкви⁵³.

Через таинство крещения верующий возрождается к новой жизни, становится членом Тела Христова. В таинстве миропомазания он делается храмом Св. Духа. Но через оба рассмотренных таинства еще не достигается того единства верующих, о котором молился Христос. Они — лишь необходимое условие для его достижения. Такое единство верующих между собою и со Христом достигается в таинстве евхаристии.

⁴⁹ См. у Митрополита Макария. Православное догматическое богословие. СПб., 1883, II, стр. 358.

⁵⁰ Там же, стр. 354.

⁵¹ Там же, стр. 343.

⁵² А. С. Хомяков. Избранные богословские сочинения. Киев. 1912, стр. 116.

⁵³ Не случайно, конечно, и то, что таинство миропомазания первоначально совершалось апостолами через возложение рук, как и хиротония в церковно-иерархические степени. Оба таинства имеют между собою глубокое родство и естественно вытекают из существа Церкви, как Тела Христова, состоящегося из многих и разнообразных членов, несущих разнообразное служение. Здесь, между прочим, кроется глубокая разница между православным воззрением на это таинство и ватиканским.

Евхаристия — особо высокое таинство и занимает центральное место среди таинств. Главное отличие ее от других таинств в том, что в евхаристии происходит пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. Поэтому, в противоположность Западу, представителями Востока «таинство евхаристии трактовалось не как одно из благодатных средств Нового Завета, а как таинство особо высокое по своему значению, близко связанное с тайной воплощения»⁵⁴.

Св. Иустин мученик указывает «почти тождество того, что совершалось в воплощении, с тем, что совершается в евхаристии»⁵⁵. Таинство евхаристии, по учению Отцов Церкви, входит как неперемнная часть в процесс божественного домостроительства (Иларий Пиктавийский, Ириней Лионский, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Григорий Нисский и др.).

Исключительное значение евхаристии, как пищи нетленной, доставляющей верующим вечную жизнь, показал Сам Христос в синагоге Капернаума. Отклоняя мысль иудеев от пищи тленной, чувственной, Христос говорит им о Себе, как о хлебе, спешшем с небес: «Я — хлеб живой, спешший с небес: ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ио. 6, 51). Здесь «Христос прямо объявляет, что хлеб, о котором Он говорит, есть плоть Его, которую Он отдает за жизнь мира. — В этих словах Христос представляет плоть Свою, человечество Свое, с одной стороны, как искупительную жертву за мир, — с другой, как пищу, дающую верующим живот вечный. Здесь, таким образом, дается самое ясное и непререкаемое обетование касательно евхаристии»⁵⁶. Слова Христа вызвали спор среди иудеев: «Как Он может дать нам есть Плоть Свою?» (Ио. 6, 52). В ответ на это недоумение Христос сказал: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни... Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ио. 6, 53 и 56).

Св. Иоанн Златоуст говорит о полном тождестве того, что произошло на Тайной вечери, с тем, что происходит при каждом последующем совершении евхаристии: «Это — та же самая трапеза, которую предлагал Христос, и ничем не меньше той. Нельзя сказать, что ту совершает Христос, а эту — человек; ту и другую совершает Сам Христос»⁵⁷.

Через таинство евхаристии происходит преобразование человека из смертного в бессмертного. «Ведь через это мы тотчас преобразуемся»⁵⁸.

В евхаристии мы делаемся одно друг с другом и со Христом. «Приобщаясь мы не только делаемся участниками и сообщниками, но соединяемся со Христом. Как тело (Христово) соединено со Христом, так и мы через этот хлеб соединяемся с Ним... Что такое этот хлеб? Тело Христово. Чем делаются причащающиеся? Телом Христовым, не многими телами, а одним телом. Как хлеб, составляясь из многих зерен, делается единым, так что, хотя в нем есть зерна, но их не видно и различие их неприметно по причине их соединения, — так и мы соединяемся друг с другом и со Христом»⁵⁹.

Евхаристия — высочайшее таинство, но вместе с тем и жертва, благодарственная за благодеяния Божии и умиловительная, приносимая за живых и прежде почивших. «Мы постоянно приносим одного и того же Агнца, а не одного сегодня, другого — завтра, но всегда одного и того же. Таким образом жертва одна. Хотя она приносится во многих

⁵⁴ Н. Мальцев. Евхаристический спор на Западе в IX в. Сергиев Посад. 1917, стр. 78.

⁵⁵ А. Л. Катанский. Характеристика православия, римского католичества и протестантизма, стр. 19 (см. Е. Аквилонов «Церковь», стр. 59).

⁵⁶ Толковая Библия; на Ев. от Иоанна, стр. 377.

⁵⁷ Св. Иоанн Златоуст. Творения, VII, стр. 827.

⁵⁸ Он же, II, стр. 170—171.

⁵⁹ Он же, X, стр. 237.

местах, но разве много Христов? Нет, один Христос везде, и здесь полный, и там полный, одно тело Его. И как приносимый во многих местах Он — одно тело, а не много тел, так и жертва одна»⁶⁰, «когда ты приступаешь к страшной чаше, приступай так, как бы ты пил от самого ребра»⁶¹.

Такова сущность таинства евхаристии и высокое значение ее в жизни Церкви. Как таинство, евхаристия зиждется на истине Боговоплощения; как жертва, она истекает из прободенного копием ребра Христова. Вместе с тем, она действует Духом Святым, существенно пребывающим и живущим в Церкви со дня Пятидесятницы. Вот почему молитва призывания Бога Духа на св. дары в литургии восточной Церкви является «необходимой принадлежностью канона литургии»⁶².

Кроме того, евхаристия является критерием истинности или ложности того или другого проповедуемого учения. Так именно определяет ее значение св. Ириней Лионский. «Наше учение согласно с евхаристией, и евхаристия в свою очередь подтверждает учение наше»⁶³. В 27 гл. VII кн. Апостольских постановлений внушается быть осмотрительным и тщательно наблюдать, православно ли благодарят или неправославно: «Кто из приходящих благодарит так (т. е. православно), того принимайте, как ученика Христова; кто же возвещает иное учение, а не то, какое преподавал через нас Иисус Христос, тому не позволяйте благодарить, ибо таковой скорее оскорбляет Бога, нежели прославляет Его»⁶⁴. Несторий пытался в своем лжеучении опереться на таинство евхаристии, когда в своем послании утверждал, что в этом таинстве мы вкушаем плоть Христову, именно как плоть, а не как Божество. В ответном послании к нему св. Кирилл Александрийский (около 445 г.) опроверг это нечестивое мнение Нестория тем утверждением, что плоть Христова является действительной в таинстве евхаристии в силу именно ипостасного единства человечества и Божества в Христе и что эта плоть божественна и потому животворяща⁶⁵.

Таким образом, евхаристия — живое средоточие всей жизни Церкви. Она является реальным выражением таинства всего домостроительства нашего спасения и вместе с тем осуществлением того единства верующих, о котором молился Христос. Короче говоря, евхаристия, это — реальное единство Церкви.

Как нужно понимать это реальное единство Церкви? Приведем слово Николая Кавасилы, архиепископа Солунского (XIV в.), глубокого богослова, толкователя литургии: «Церковь указывается тайнами не как символами, но как сердцем указываются члены, как корнем дерева — отрасли и, как сказал Господь, как виноградную лозю — ветви; ибо здесь не одинаковость только имени и не сходство подобия, но тождество дела, так как тайны суть Тело и Кровь Христа... Если бы кто мог увидеть Церковь Христову в том самом виде, как она соединена со Христом и участвует в плоти Его, то увидел бы ее не чем иным, как только телом Господним. По этой-то причине Павел пишет: Вы есте тело Христово и уди от части (1 Кор. 12, 27)»⁶⁶.

Церковь указывается евхаристией так же, как виноградную лозю — ветви, как корнем дерева — отпрыски, как сердцем — члены тела. Без евхаристии нет Церкви, как нет ветвей без лозы, как нет отпрысков без корня, как нет членов тела без сердца. Евхаристия, таким об-

⁶⁰ Св. Иоанн Златоуст. Творения, XII, стр. 159.

⁶¹ Он же, VIII, стр. 577.

⁶² Собрание древних литургий, СПб. 1878, вып. 5, стр. 53.

⁶³ Св. Ириней Лионский. Против ересей, IV, 18, 5.

⁶⁴ Собрание древних литургий, СПб. 1874, введение, стр. 10.

⁶⁵ Н. Мальцев, цитир. соч., стр. 83.

⁶⁶ Писания свв. Отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения, СПб. 1857, т. III, стр. 384—385.

разом, — основа, корень, сердце жизни Церкви. Она — действительное средоточие церковной жизни. Она — реальное единство Церкви. Такое выражение реального единства Церкви в евхаристии возможно только потому, что «Слово плоть бысть» (Ио. I, 14) и что Церковь есть тело Христово (Ефес. I, 23), которое именно мы и имеем в таинстве евхаристии. Отсюда делаем вывод, применяя слова св. Иринея: апостольское учение о Церкви, как Телу Христовом, согласно с евхаристией, и евхаристия подтверждает это учение.

Наконец, нельзя не отметить, что учение о Церкви как теле Христовом, и об евхаристии как выражении реального единства жизни этого тела подтверждается еще практикой, или опытом жизни первохристиан. Благодаря чему, — спрашивается, — первохристиане достигли такого совершенства жизни, что у них было одно сердце и одна душа? что у них не было никого нуждающегося? что у них было все общее? (Деян. 4, 32—37; 2, 44—45). Благодаря тому, что «они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах»; благодаря тому, что «каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа» (Деян. 2, 42 и 46—47); благодаря тому, короче говоря, что они ежедневно причащались. Другими словами, первохристиане на деле, через евхаристию, осуществили свое исповедание Церкви, как Тела Христова, войдя через это таинство в реальное единство друг с другом и со Христом. Они сделали евхаристию средоточием всей своей жизни, считая все остальное, как приготовление к ней. Они через это сделались действительными членами Тела Христова — Церкви. Сознание и ощущение себя членами Тела Христова было неусыпным контролем всей жизни первохристиан: их мыслей, чувств, желаний, действий, поступков, словом, каждого шага их жизни. Кроме того, как члены Тела Христова, они руководились и могли руководиться в своей жизни единственным законом жизни этого Тела — законом любви. Они на опыте знали, что охлаждение в любви или поступки, недостойные этого тела, отделяют от целого.

Свидетельством того, что присутствовавшие за литургией первохристиане причащались все, служат 9-е правило св. Апостолов и 2-е правило Антиохийского Собора. Эти два правила повелевают отлучать от церковного общения тех, кто, присутствуя за литургией, не приступает к причащению. С этим боролся также св. Иоанн Златоуст⁶⁷.

Опыт жизни первохристиан — самое лучшее, самое блестящее доказательство истинности определения Церкви как Тела Христова и евхаристии как средоточия жизни Церкви, как необходимого условия для реального единства верующих друг с другом и со Христом.

Таков ответ православного сознания на вопрос о существовании Церкви.

Таково апостольское и святоотеческое учение о Церкви, которого неизменно держится и которым руководствуется Восточная Православная Церковь в своей жизни и деятельности, в частности — Русская Православная Церковь.

*

* *

Таким образом, на один и тот же вопрос о существовании Церкви мы имеем два разных ответа: Восток дает один ответ, Запад — в лице Ватикана — совершенно другой. Какую же Церковь создал Христос? — ту ли, которую Апостол определяет как Тело Христово и которой всегда держался и доселе держится православный Восток, или то «общество верующих» во главе с римским папой, которого держится Запад?

⁶⁷ Св. Иоанн Златоуст. 3-я беседа на посл. Ап. Павла к Ефессянам.

Не нужно знать греческий язык, не нужно быть непременно богословом, чтобы из сопоставления Апостольского учения о Церкви с ватиканским верующему сделать вполне естественные и совершенно правильные общие выводы:

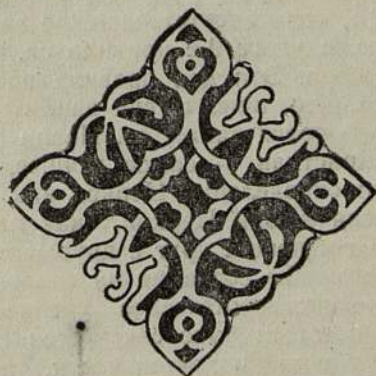
1. Апостольское учение о Церкви как Теле Христовом есть несомненно Апостольское учение и преподано как основа для жизни верующих, на которой и следует строить свою жизнь, свое спасение; оно подтверждается святыми Отцами и опытом жизни первохристиан и вместе с тем стоит в полном согласии с тайной Домостроительства нашего спасения, т. е. имеет в своей основе главный догмат христианства — истину Боговоплощения.

2. Учение Ватикана о Церкви как «обществе верующих», возглавляемом римским папой, не знали ни Апостолы, ни святые Отцы, ни Вселенские Соборы. Это — новое учение; оно возникло и развилось на Западе уже после отделения Запада от единства Христовой Церкви (1054 г.) и стоит в явном противоречии с последней.

3. Ватикан, таким образом, в учении о Церкви отошел от основ христианства.

И все это — следствие того, что Ватикан разорвал единство Восточной и Западной Церквей, отпал от единства Христовой Церкви и всю свою энергию направил на извращение основ христианства и, главным образом, догмата о Церкви.

А. ВОЛКОВ.

ИЗ ИСТОРИИ ВОССОЕДИНЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ УНИАТОВ¹

Очерк второй

Двадцатые и тридцатые годы прошлого столетия — не менее поучительный этап идейной борьбы с церковной унией, чем предыдущий и последующий периоды.

Рассматриваемый нами в данном очерке период связан с именем Иосифа Семашко. Попытаемся охарактеризовать труды и деятельность Иосифа Семашко в рамках общей системы мероприятий Русской Православной Церкви по ликвидации унии.

Это был главный двигатель дела воссоединения униатов с Православной Церковью, один из виднейших церковно-исторических деятелей XIX века.

*
* *

Сложным, тернистым был жизненный путь Иосифа Семашко.

Родился он 25 декабря 1798 г. в с. Павловке, Липовецкого уезда, Киевской губернии, в семье мелкого дворянина-землевладельца украинского происхождения.

Дружба связывала семью Семашко с домами соседних помещиков, поляков-католиков; сравнительная имущественная скудость по сравнению с последними заставляла членов семьи лично трудиться на полях. В частности, мальчик Иосиф иногда пас отцовский скот вместе с пастухами-крестьянами; это сближало будущего иерарха с простым трудовым народом.

С униатством род Семашко был связан на протяжении целого столетия. Дед Иосифа был униатским священником, ревностно служил униатам в иерейском сане его отец, униатскими священниками стали и все родные братья Иосифа. Родственно семья Семашко была связана с несколькими униатскими епископами. Биографы Иосифа, в том числе и солиднейший из них — Г. А. Киприанович², считают нужным подчеркивать «отсутствие униатского фанатизма» и тем паче — полонофильских симпатий в семье Семашко. Этим они, вопреки своим благим намерениям, оказывают плохую услугу памяти Иосифа Семашко, обесценивая сложность душевной эволюции Иосифа: он пришел к истинному Православию и пламенной православной деятельности, преодолев влияние окружающей семейной среды. Ссылка исследователей на то, что об «отсутствии фанатизма в семье» говорит в своих «Записках» сам Иосиф Семашко, не слишком убедительна: по нашему личному мнению, автор,

¹ Продолжение. См. «Журнал Московской Патриархии», 1949 г., № 8.

² Г. А. Киприанович. Жизнь Иосифа Семашко, Митрополита Литовского и Виленского, и воссоединение зап.-русских униатов в 1839 г. Вильна, 1897 г., стр. 44.

предназначая свои «Записки» к печати, мог, из присущей ему христианской скромности, намеренно приуменьшить в них трудности своего духовного перевоспитания.

А что среда, окружающая Иосифа в семье, была действительно неблагоприятной, об этом говорят те же самые факты, которые приводятся самими его биографами. Дед Иосифа, Тимофей Семашко, предпочел лишиться прихода и возможностей священнослужения, претерпеть яростную хулу односельчан и большие материальные неприятности, чем последовать за своими пасомыми, которые единодушно и совершенно добровольно, игнорируя помещичий нажим, воссоединились с Православием. Правда, Г. А. Киприанович³ указывает, что «во время владычества Польши о. Тимофей Семашко, за приверженность к русским, поплатился заключением в тюрьму». Нам, несмотря на большие усилия, не удалось отыскать в источниках подтверждения именно такой мотивировки тюремного заключения Тимофея Семашко. Но если она и справедлива, то саму по себе «приверженность к русским» мы не вправе обязательно отождествлять с симпатией к Православию, ибо этому резко противоречит позднейший факт негибкого упорства Тимофея Семашко, только что нами указанный. Говорят также, что отец Иосифа Семашко не препятствовал посещениям юным Иосифом местной православной церкви. Этот факт подтверждается. Но в такой же мере верно и другое, не отрицаемое самим автором «Записок»: мотивируя «неимением поблизости православных церквей» (при наличии в том же с. Павловке действующего православного храма!), родители усердно и неукоснительно возили подростка Иосифа в «ближайший» (однако, расположенный на солидном расстоянии от Павловки!) католический костел. Никем и никогда не отрицалось, что отец Иосифа Семашко, даже после получения православного епископства его сыном, не воссоединяется с Православием и продолжает униатское священнослужение. Видя невозможность такового в Павловке (едва ли бы оно было допущено местными крестьянами), он, потерпевший немалый имущественный ущерб, переезжает в местечко Ильинцы — местопребывание нескольких видных помещиков-католиков. Здесь он за свой счет устраивает в католическом костеле боковой алтарь, в котором и начинает совершать латинизированное униатское богослужение⁴.

Один из братьев Иосифа — Иоанн Семашко стал известным своей фанатичной преданности католико-униатству. До самой своей смерти он (сначала публично, впоследствии — в кружке друзей) проклинал Иосифа, как «предателя» и «губителя народа» (очевидно, с польско-католической точки зрения); по многим свидетельствам, Иоанн впадал в бешенство при одном виде портрета Иосифа. Будучи вынужденным в 30-х годах воссоединиться с Православием, он завещал похоронить себя обязательно в католическом костеле. Супруга же Иоанна Семашко, в ответ на его переход в Православие, формально перешла в католичество⁵.

К счастью для Иосифа, его детские годы проходили под влиянием встречных воздействий: сурово-униатской, с католическим оттенком, семьи, с одной стороны, и искренно-православной народно-крестьянской среды, — с другой. Отрицательное влияние семьи и родственников в значительной степени нейтрализовалось влиянием этой среды. Иосиф всегда с теплым чувством вспоминал производившие на него сильное впечатление рассказы о славной борьбе украинского народа за веру, совпадающей с борьбой за национальное и социальное освобождение, слышанные им в детстве.

³ Г. А. Киприанович. Цитир. соч., стр. 3.

⁴ Там же, стр. 2.

⁵ Журнал «Киевская Старина», 1864 г., № 9, стр. 332—349.

Первоначальное образование Иосиф получил в Немировской гимназии б. Каменец-Подольской губернии. Гимназия числилась в системе российского министерства народного просвещения. Но следует сказать, что на Правобережной Украине польскому панству удалось в описываемый период не только предохранить средние учебные заведения от руссификации, но и превратить их в питомники польско-шляхетского шовинизма, сохранив их в таковом состоянии до 1832—1833 гг. полностью и до 1863—1864 гг. — частично. В сплошном массиве украинского населения Киевщины, Волыни и Подолии поляки были представлены ничтожной прослойкой помещиков и ксендзов. Как и в других учебных заведениях края (кроме Киевских), в Немировской гимназии на три-четыре сотни «паньчей» — поляков приходилось не более 10—15 украинцев, почти исключительно униатов — «поповичей». В такой среде учился Иосиф Семашко, так и не выучившись русскому языку до самого окончания курса (ибо этот предмет «преподавался» только в гимназических отчетах). Ни православного, ни даже униатского законоучителя в гимназии не было, хотя по штатам таковая должность была; зато ксендзы-иезуиты полностью имели влияние на учебный процесс.

Можно утверждать, что в восемнадцатилетнем юноше Иосифе, окончившем первым по списку курс Немировской гимназии в 1816 г., ничто, казалось, не предвещало будущего православного иерарха.

Да не к этому его и готовили: для родителей Иосифа единственно желанным был путь духовно-католического образования.

Если светскими школами на территории Польши так долго в сущности владели католики, то ясно, что духовно-учебными заведениями они распоряжались еще безраздельнее. «Позаботились» они и об униатах: на рубеже XVIII—XIX вв. в гор. Полоцке была учреждена епархиальная семинария «для белого униатского духовенства и преимущественно для сирот из детей священнических»⁶. Поступали туда только дети и сироты иерейской бедноты. Но обычно окончившие эту семинарию сразу не получали униатских приходов. Их направляли для «окончательного образования» в Полоцкую же иезуитскую академию. Таким образом, ежегодно иезуитско-католическая армия пополнялась многими десятками выходцев из униатства.

Иосифу Семашко не было нужды идти к иезуитам: он поступил в высшее духовно-учебное заведение края — Главную духовную семинарию, учрежденную при Виленском университете в 1803 г. (в г. Вильно). Тот же исследователь — М. Я. Морошкин, опираясь на доброкачественные документальные данные, констатирует факт открытого предназначения Главной духовной семинарии — готовить для католической Церкви в России ученых людей, пригодных к замещению высших иерархических должностей в ней⁷. Белоруссов и украинцев не-католиков туда принимали с неимоверными трудностями. Семашко потребовались две архиерейских обстоятельных рекомендации. Первая была им получена от униатского епископа Кирилла Сороцинского, родственника его по женской линии, активного врага Православия. Вторая — от другого униатского епископа Иакова Мартусевича, не менее яркого, по своим убеждениям, католика. При открытии семинарии поляки дали русским властям обещание — на каждые 30 католиков принимать туда 20 униатов. На деле же униатов в семинарии было в несколько раз меньше.

Если в Главную семинарию принимались в небольшом количестве униаты (по надежным для «латинян» рекомендациям) и часть их предназначалась для униатской церкви, то исключительно потому, что из них надеялись воспитать беззаветно преданных «римской» Церкви свя-

⁶ М. Я. Морошкин, Воссоединение уни, 1872, стр. 616.

⁷ Там же.

щенников, с одной стороны, и стойких врагов Православия и России, — с другой.

В своих «Записках» Иосиф Семашко несколько раз говорит о том, что многие профессора семинарии, особенно богослов Клонгевич и канонист Капелли, своими страстными обличениями злоупотреблений католического духовенства способствовали изжитию предубеждений против Русской Церкви и росту предубеждений против «римской». С этим, как нам кажется, едва ли можно согласиться. Важно, с каких «позиций» производится обличение. По нашему мнению, клонгевичи и им подобные говорили о злоупотреблениях отдельных католических иерархов с целью воспитать в студентах непримиримость к поступкам, позорящим католицизм, и еще большую преданность «римскому исповеданию».

Кстати — о самом Клонгевиче. Ко времени массового воссоединения униатов с православием (1838—1839 гг.) этот «обличитель» занимал пост Виленского римско-католического епископа. И его имя в многочисленных официальных документах фигурирует в списке самых твердых противников воссоединения, немало повредивших делу. Вряд ли мы отыщем среди биографов Семашко лиц, которые не аттестовали бы другого профессора этой семинарии — протоиерея М. Бобровского, как «пробуждающего (православное) самосознание студентов». Но никто не отрицает вместе с тем и того, что этот «пробудитель» чуть не помещался с горя, когда убедился в смене разговоров о воссоединении униатов с Русской Православной Церковью самим воссоединением.

На упомянутых лиц, надо думать, были похожи и остальные преподаватели и руководители семинарии.

Итак, Главная семинария, подготовляя убежденных католиков, воспитывала в слушателях: во-первых, готовность «очищать» католическую иерархию от порочащих ее недостойных сочленов, т. е. укреплять ее изнутри; во-вторых, — отношение к униатству, как к переходной ступени к католицизму; в-третьих, — безудержное преклонение перед польской культурой, как образцом для подражания, и папско-римской, как высшим идеалом; в-четвертых, — презрительное до отвращения, враждебное до ненависти отношение ко всему русскому и особенно — ко всему исконно-православному. Руководство семинарии делало все, чтобы студенты-униаты стали стыдиться своего украинского и белорусского происхождения. И это удавалось. «Дети униатского духовенства, — как говорит М. Я. Морозкин, — стыдились звания своих отцов, шли в монашество, или просто принимали католицизм, или старались скрыть свое происхождение»⁸.

Если Клонгевич и Капелли воспитывали в преданности католицизму методом «критического» отношения к язвам католической иерархии, то другие профессора находили не менее коварные методы. Например, проф. Чернявский, призванный знакомить студентов с русской литературой, хитроумно опорочивал ее крайней беспорядочностью лекций, цитированием — якобы неумышленным — далеко не лучших произведений русской беллетристики, а характеристику русских классиков ограничивал бытовыми деталями и анекдотами.

В такой обстановке учились и Иосиф Семашко и другие будущие деятели по ликвидации унии. И все же они выросли в доблестных борников Православия, несмотря на такие условия и вопреки общим усилиям всех католико-полонизаторов, начиная с преподавателей и кончая попечителем Виленского учебного округа князем Адамом Чарторийским.

Какие же силы внутри семинарии противостояли описанным тенденциям и способствовали их преодолению, подготовив русско-право-

⁸ М. Я. Морозкин, Воссоединение унии, 1872, стр. 610.

славную настроенность целой группы питомцев? Эти силы отнюдь не были значительными среди студентов. Большинство однокашников Иосифа не только насквозь пропитались католико-полонизмом, но стали махровыми шовинистами наглого антирусского направления. В высшей степени характерен случай, рассказанный самим Иосифом Семашко⁹. Однажды, когда он вдвоем с однокурсником Антонием Зубко просматривал «случайно добытый номер невиннейшего старинного русского журнала «Улей», на них налетела толпа студентов с криками: «Разве нам такие нужны священники,.. которые забывают мать-Польшу,.. которые сочувствуют России!?» Иосиф Семашко говорит: «Под угрозой репрессии журнальчик пришлось припрятать», — не описывая действий толпы и не указывая, с чьей стороны можно было ожидать репрессии.

И все же Православие нашло дорогу в униатско-«латинские» цитадели. Неодолима была сила христианской истины, изложенной в тех православных книгах, которые, хотя и с большим трудом, удавалось добывать и, таясь от добровольных соглядатаев, изучать Иосифу и его товарищам. Далее — влияла живая связь с народом — носителем в душе своей чистой веры — веры православной — отцов и дедов. Кружок товарищей и друзей будущего иерарха был оазисом народно-православного духа среди католического окружения. В этом товарищеском кружке родилось и с годами укреплялось и выкристаллизовывалось желание служить вскормившей их матери-земле, а не господам панам (в жупанах и тиарах). Вырастало живительное доброе чувство к старшему единокровному брату — великому русскому народу, к его могучей, Православием возвращенной культуре, величие которой становилось очевидным, вопреки намерениям наставников семинарии.

Если Иосиф Семашко в своих «Записках» указывает положительное влияние семинарии на укрепление православности его мировоззрения, то мы лично можем объяснить это смирением иерарха, не желавшего подчеркивать ни своих личных заслуг, ни доблести своего духа.

В 1820 г. Иосиф Семашко окончил первым по списку курс Виленской Главной семинарии с высокой степенью магистра богословия. Луцкий униатский епископ, упоминавшийся выше, Иаков Мартусевич сразу же пригласил его, тогда ставшего священником (целибатным), на видную и влиятельную должность заседателя (ассессора) епархиальной консистории. Доверие к Семашко было так велико, что, едва сойдя со школьной скамьи, он был сделан экзаминатором ставленников, т. е. фактическим руководителем дела подбора иереев епархии. У внимательного читателя, знакомящегося с историей ликвидации унии и деятельностью Иосифа Семашко по работам Киприановича, Кояловича, Зубко, Лужинского, Бобровского и др., возникает немало недоумений. Они рассеиваются, если изучать деятельность Иосифа Семашко по фактам его работы. При таком подходе сразу же отпадает мнение, что Семашко по выходе из семинарии был последовательным сторонником воссоединения. Нет, он приступил к работе в Луцке с горячим желанием послужить именно униатству, посвятив свои силы борьбе против поглощения его католичеством. Да и внимательное изучение первой части «Записок», вместе с анализом его работы в Луцке, показывают, что в это время у Иосифа Семашко лишь в самых бледных очертаниях появляется мысль о том, что для униатства, как такового, вряд ли есть какое-либо средство выхода из смертного его кризиса, кроме сближения с Православной Церковью. Во всяком случае, ни ближайший начальник Семашко, ни его сотрудники не имели основания подозревать наличия у него «ликвидаторских» мыслей в отношении униатства.

⁹ Иосиф (Семашко), Митрополит Литовский. Записки, 1883 г., т. 1, стр. 17.

В православной, униатской и католической литературе вопрос о роли Семашко в деле воссоединения униатов решается по-разному. Нас интересуют главным образом взгляды православных и униатских авторов, большинство которых склоняются к утверждению, что именно Иосиф Семашко открывает новую эру. Его предшественниками, лишь подготовившими до некоторой степени почву для воссоединения, были Лисовский и Красовский. Но этим нисколько не умаляется историческое значение — в деле воссоединения униатов с Православием — деятельности Иосифа Семашко, который был «душою» этого дела, творцом им же реализованного оригинального проекта этого воссоединения.

Мы отбрасываем, как крайность, точку зрения С. П. Мельгунова¹⁰, по существу отмахнувшегося от решения вопроса следующим указанием: «...искать инициаторов (воссоединения) нет нужды: к этому вела вся религиозная политика Николая I... Члену униатской коллегии Иосифу Семашко и его единомышленникам: Антонию Зубко, Василию Лужинскому и др., так сказать, практикам по униатским делам, принадлежала лишь разработка плана разрешения давно «назревшего униатского вопроса»¹¹. Другими словами, С. П. Мельгунов считает поименованных лиц только исполнителями предначертаний императора Николая I. Это он подтверждает и самооценкой своей роли самими А. Зубко и В. Лужинским¹², игнорируя соображение, что в своих воспоминаниях, предназначенных для печати, деятели воссоединения едва ли имели смелость выставлять себя преимущественно перед царем, считавшим себя единственным вдохновителем всего творившегося именем России вообще.

В предыдущей главе нашей работы показано, что и Лисовский и Красовский, действительно, были только поборниками «реставрации» унии на базе решений Брестского собора. Трудно выразиться точнее и определеннее, чем это сделал русский ученый Ю. Ф. Крачковский: «... Они, — пишет исследователь, — хотели пользоваться от России полной поддержкой в борьбе со своими врагами (базилианами) за материальные интересы и для полной свободы быть лишь в отдаленной зависимости от Рима»¹³.

Действительно, католики овладели всеми, в свое время очень богатыми, «греко-униатскими» монастырями, отдав их в распоряжение базилиан. К началу XIX века монастыри только на бумаге оставались униатскими: на основании папского разрешения беспрепятственного вступления в униатское монашество, они были заполнены католиками. Богослужение в монастырях было полностью окатоличено. Как мы указывали в предыдущем очерке, орден базилиан был подчинен непосредственно Риму. Униатские архиерейские посты замещались по преимуществу базилианами-поляками. Епископы из украинцев и белоруссов составляли меньшинство, притом к ним со времен Сигизмунда III предъявлялось требование потомственно-дворянского происхождения.

Войдя в епископат, выходцы из униатского белого (целибатного и вдового) духовенства — таковыми были и Лисовский с Красовским и Сороцинский с Мартусевичем и некоторые другие — прежде всего предпринимали попытки наложить руки на богатые монастырские имущества («фундуши»). Правда, хищническое хозяйствование базилиан

¹⁰ С. П. Мельгунов. Из истории религиозно-общественных движений в России XIX века. 1919 г.

¹¹ М. Я. Морошкин. — Цитир. соч., стр. 79.

¹² Воспоминания А. Зубко в «Русском вестнике» за 1864 г., Лужинского — в «Православном Собеседнике» за 1884—1885 гг.

¹³ Ю. Ф. Крачковский. Предисловие к XVI тому Актов Виленской Археографической Комиссии.

неуклонно уменьшало фундушевые доходы, но деятельность указанных епископов все же сосредоточивалась преимущественно на борьбе за эти доходы. Она до конца двадцатых годов XIX в. велась методами настойчивых, но почтительнейших письменных представлений римскому папе о подчинении базилианских монастырей униатским епархиальным архиереям. Как говорит тот же Ю. Ф. Крачковский, униатские руководители надеялись в лице папы «иметь в Риме своего защитника и ходатая»¹⁴. Ясно — против кого они надеялись получить оборону.

Мы видим, что воссоединение униатов с Православием началось задолго до рождения Иосифа Семашко. На территории той же Луцкой епархии православных храмов к 1820—1821 гг. было больше, чем униатских. Нам также известно, что на Правобережной Украине воссоединительное движение шло снизу — от самых глубинных слоев верующих мирян. И в начале 20-х годов XIX в. Иосиф Семашко писал, что луцкие униаты были «теснимы» с двух сторон: римско-католиками — с одной, и православными — с другой. Очевидно, имеется в виду «теснение» идейное, а не факты насилия со стороны православных; если бы они в епархии были, Семашко ни в коем случае не мог бы умолчать о них. Семашко огорчали притеснения со стороны католиков. Ведь они были, по тогдашней терминологии Иосифа, «друзьями» униатов.

Патрон Семашко — униатский епископ Мартусевич, по словам Семашко, сказанным им уже в бытность православным архиереем, «до крайности преувеличивал все свои понятия в пользу Римской Церкви и папской власти — более, чем сами паписты и иезуиты; о православных же не мог вспомнить без содрогания». У Семашко отношение к Православию было совершенно иное.

Семашко начал очень быстро двигаться по службе в системе униатской иерархии. Через два года работы в Луцкой униатской консистории, в 1822 г., 24-летний священник Иосиф Семашко был выдвинут епископом Мартусевичем на должность заседателя Петербургской Римско-католической коллегии по Униатскому департаменту — высшего духовного учреждения по управлению делами означенных церквей.

Он ехал в столицу с пламенным желанием спасти униатство от католичества.

Сам Иосиф Семашко впоследствии говорил, что уже по дороге в Петербург в его настроениях происходит сдвиг. Будучи внимательным и зорким наблюдателем, он на долгом пути увидел немало захолустных городов и еще больше сел и деревень, столько же бедных, как белорусские, и еще более безрадостных, чем на родной Киевщине. Увидел он и другое, что особенно его поразило: на фоне ветхих бревенчатых избушек с соломенными крышами и подслеповатыми оконцами высились красивые, с великой любовью, за счет трудовых медяков, украшенные православные храмы. Вероятно, дорожные впечатления заставили его призадуматься и над причинами бросившегося ему в глаза полного взаимопонимания и единодушия русского православного приходского духовенства и мирян, их взаимной близости. Все это, что он видел, разительно отличалось от украинско-белорусской действительности и было непохоже на то, что он слышал о России от своих наставников.

Выше уже высказано было мнение, что подчинением департамента по униатским делам Римско-католической коллегии царское правительство давало понять, что оно считает униатов ближе стоящими к католичеству, чем к Православию. Наше мнение основывается на аналогичных выводах многих прежних исследователей.

При официально декларированном положении Православной Церкви, как господствующей в России, римско-католическая с правовой стороны

¹⁴ Ю. Ф. Крачковский. Предисловие к XVI тому Актов Виленской Археографической Комиссии.

не подвергалась по существу никакой дискриминации, а в материальном отношении она стояла выше Православной. Униатская церковь в правовом положении по отношению к государству была уравнена с католической. Что католики все определеннее рассматривали униатов, как свое «удешевленное и ухудшенное издание», это факт. Сознавала ли униатская иерархия свое промежуточное положение? Кажется, да. По какой линии искала выхода? Об этом говорит меткая характеристика, данная Иосифом Семашко наличному составу униатского епископата конца двадцатых годов XIX в.: «Все... важнейшие места по униатской церкви к 1828 г. заняты были лицами, воспитывавшимися в папском алумнате или в Виленской Главной семинарии и, следовательно, в духе и правилах, чуждых России и Православию, и решительными приверженцами римского католицизма и полонизма. Странно было подумать о возможности предложить всем этим людям присоединиться к Православной Церкви»¹⁵. Из этого видно, что если бы римская курия предложила хоть намеки на униатскую автономию и частицу базилианско-монастырских доходов, то дело «воссоединения сверху» зашло бы, может быть, в безнадежный тупик.

Совершенно такое же настроение царило в Униатском департаменте. Иосиф Семашко здесь очень быстро выдвинулся: в 1823 г. он получает звание каноника, а потом (1825 г.) — и прелата. При исключительной работоспособности, энергии и высокой культурности он стал фактическим вершителем всех дел в департаменте.

Ни автобиографические «Записки» Иосифа Семашко, ни труды его биографов не дают достаточных материалов для суждения о его эволюционизировании по пути к Православию на грани 20-х — 30-х гг. XIX века. Оно становится более или менее очевидным при изучении деятельности департамента и самого Иосифа Семашко в этот период. В Петербурге Иосиф Семашко вел скромный образ жизни. Он посещал нередко православные храмы, Александровскую Лавру, усердно пользовался книжными сокровищами Публичной библиотеки, приобретал и внимательно изучал православную богословскую и историческую литературу, участвовал в назидательных беседах с русскими образованными людьми, не чуждался и полезных для него встреч с простым верующим человеком. Школа жизни оказывала свое могущественное влияние. Уже через два-три года тяжелый груз католического воспитания стал спадать с Иосифа целыми пластами. Православная Истина становилась его убеждением, пока — внутренним, невысказанным. Был момент, когда Иосиф чуть было не постригся в иноки Александровской Лавры, но передумал.

На личное открытое, громогласное присоединение к Святой Матери-Русской Православной Церкви Иосиф в то время не пошел. Судя по многому, он сдержал такое желание, считая, что «очищенное» от католических наслоений униатство имеет право на равноправно-автономное существование, — не на вечные, конечно, времена, а впредь до того периода, когда его можно будет ликвидировать руками самих униатских иерархов. Как личность, Семашко был готов к воссоединению, но, как деятель высшего органа униатской церкви, он еще ряд лет действует в тактических униатских рамках.

Активная деятельность Иосифа Семашко в департаменте начинается, собственно, с 1827 г. В интересах краткости мы опускаем подробное описание блестящего выступления Семашко по делу униатского архиепископа Красовского, обвинявшегося во многих церковно-дисциплинарных проступках и зазорном неаппетитном поведении; это выступление говорит о настойчивости и юридической диалектике Иосифа Семашко.

¹⁵ Иосиф (Семашко), Митрополит Литовский. Записки, т. 1, стр. 54.

Первым крупным и весьма характерным для дальнейшей эволюции униатства и самого Семашко делом был спорный вопрос о возвращении в униатство 20 тысяч насильственно обращенных в католичество еще в начале XIX в. крестьян Виленской губернии.

Иосиф Семашко отверг путь келейного, кабинетного разбирательства, проявив при этом незаурядную смелость, и материалы по этому громкому делу были рассмотрены на соединенном заседании Римско-католического и Униатского департаментов. Выяснились и были переданы гласности интересные и возмутительные подробности. Было установлено, что девятидесятилетний католический митрополит Сестренцевич, с невероятной для его лет энергией, оправдывал такое мероприятие своих подчиненных, наращивал департаментское дело сотнями казуистических бумаг, все больше его запутывая. Первоприсутствующий Униатского департамента митрополит Иосафат Булгак тихим, но коварно-искусным саботажем более десяти лет тормозил расследование по делу.

Самый юный по возрасту заседатель — Иосиф Семашко столь категорически и обоснованно поставил вопрос об изъятии от папистов злодейски-совращенных людей, что и Сестренцевич и Булгак, во избежание полного раскрытия их беззаконий, были вынуждены подписать решение о возвращении в униатство насильственно обращенных в католичество крестьян.

Текст этого решения был полностью составлен Иосифом Семашко. В решении нет рекомендации привлечь к законной ответственности насильников и ни малейшего намека на предложение выяснить, не были ли совращенные православными — в прежние времена. Зато в постановлении было записано: «...убеждать при всяком случае народ, что римский и униатский обряд есть одно и то же и что обращение в прежний свой обряд наказано правительством единственно для сохранения хорошего порядка». Такое предложение потребовалось Иосифу Семашко, вероятно, для того, чтобы обеспечить единодушное принятие решения.

При всем этом, решение объединенного заседания мы расцениваем, как прогрессивное. Оно, по крайней мере, предупреждало католиков о необходимости большей сдержанности или хотя бы большей эластичности в совратительной деятельности на будущее время. Добившись этого решения, униаты делали определенный шаг вперед.

Неизвестно, по собственной ли инициативе или по представлению кого-либо из своих советников, император Николай I подписал 9/X—1827 г. указ по униатскому делу, который принято расценивать, как начало новой эпохи в деле подготовки массового воссоединения униатов. Содержание указа показывает, что царь в общих чертах разбирался в вопросе, но не был в нем исчерпывающе осведомлен и пока намечал предварительные мероприятия. Указом предписывалось не допускать в униатское монашество «лиц другого обряда». Это, очевидно, относилось к католикам. Далее предлагалось принятие иночества «греко-униатами» предварять испытанием ищущих пострига в знании славянского языка и «греческого» (т. е. православного) богослужения. В декларативной форме указ предписывал озаботиться созданием для детей униатского духовенства отдельных (от католиков) школ по обучению славянскому языку и православному богослужению. Практических указаний об источниках финансирования школ сделано не было.

Иосиф Семашко понял указ как контурную программу униатской политики Николая I. Считая содержание этого документа недостаточно определенным, он приступает к практическим делам. Пользуясь вниманием директора департамента духовных дел иностранных исповеданий — Г. И. Карташевского, Семашко подготовил особую записку, в которой характеризовал положение униатской церкви и указывал ряд мероприятий к охранению ее членов от ополячения и окатоличения. Записка была

одобрена. 17 марта 1828 г. Иосиф Семашко подает им разработанное и подписанное по его инициативе членами Коллегии представление о преобразовании униатской церкви в духе своей записки. На основании этого представления был составлен, при непосредственном, самом активном, участии Семашко, обширный «всепопданнейший доклад о преобразовании греко-униатской церкви соответственно истинным потребностям и пользам принадлежащих к сему исповеданию». Доклад, фактически творцом которого был Иосиф Семашко, был вручен царю. Семашко убедительно просил доклад считать совершенно секретным, мотивируя опасением травли его, Семашко, как автора, со стороны католиков и их высоких покровителей. Католический митрополит Се-стренцевич и его сотрудники и пособники были, конечно, закалены в интригах, но главная опасность Иосифу Семашко угрожала со стороны его коллег во департаменту и вообще униатской иерархии. Тот же епископ Иаков Мартусевич немедленно бы отозвал «проектира», как своего представителя, из департамента и отправил бы в луцкую глушь, если бы узнал о содержании доклада.

Первая часть доклада — краткое изложение истории униатства. В этом официальном документе царь видел аргументированный вывод о том, что действительной целью создания в шляхетской Польше унии было намерение папства сделать ее антирусским агрессивным политическим орудием. Очень ценно было подтверждение Иосифом Семашко такого, громадной важности, факта, как быстрый и почти поголовный отход (начиная с грани XVI—XVII вв.) от Православия литовско-белорусско-украинского дворянства и высшего духовенства. Трудовые же массы, — в первую очередь — казачество и закрепощенное крестьянство, — а вместе с ними и большинство приходского духовенства твердо держали православную веру. Автор доклада беспощадно разоблачает способы и пути «латинизации» и полонизации униатства. В расхождение со своими позднейшими высказываниями в автобиографических «Записках», Семашко в докладе решительно признает исключительно вредную для Православия постановку воспитательного дела в Главной и прочих католических семинариях. Говоря о насилиях католиков, Семашко явно избегает говорить об униатских насилиях над православными, умалчивая о хорошо известных ему фактах. Он во всем этом обвиняет только католиков. Даже такие явления, как бритье бород и ношение модного светского платья, он объясняет прямым насилием католиков. С особой силой, вооруженный доказательствами, Семашко обрушивается на захват католиками униатских монастырей и земельных владений, передачу их базилианскому ордену, «латинизацию» монастырей. Объективно рассказывая о возвращении в Православие большинства украинского и белорусского населения после разделов Польши, Семашко яркими красками, с литературным блеском рисует картину бесчиний польских панов, ставших дворянами Российской империи; повествует об использовании ими всех средств крепостнического принуждения для массового совращения крестьян из унии в чистое римо-католичество.

Вторая часть доклада содержит стройную программу практических предложений. Первоочередной задачей автор считает прекращение окатоличения; насильственно же совращенных ранее он рекомендует вернуть. Первая часть доклада наталкивает на естественный логичный ответ: в Православие, к вере многих поколений предков. Но Семашко дает иной ответ — «в униатство»! То-есть, в промежуточное состояние, в котором они пребывали временно и тоже — далеко не всегда добровольно. Одновременно рекомендуется бороться с католическим прозелитизмом. Какими силами и средствами? На униатское духовенство Семашко в этом отношении не рассчитывает: оно слишком маломощно по образованию, чтобы противостоять «латинянам». Иосиф Семашко по-своему был прав,

предлагая прибегнуть тогда не к мерам убеждения, а к мерам административных запретов совершения. Но административно-полицейские меры рекомендовались им лишь как временное средство, пока не будут созданы кадры нового униатского духовенства, нового в смысле русско-патриотической гражданской настроенности, знания православной обрядности и желания придерживаться ее, но, при этом, духовенства строго униатского в каноническом и богослужебном отношениях.

Как видим, предлагалась мудрая тактика постепенного действия.

Доклад развивал установку Николая I на создание специально-униатских низших духовных школ и ставил вопрос об организации униатских духовных семинарий. Обращаем внимание на такие строки доклада: «... Низшие духовные училища, — писал Семашко, — должны необходимо остаться в ведении монахов (т. е. тех же базилиан? И. Ш.), по недостатку белого духовенства, но семинарии да будут свободны от всякого влияния монашеского ордена до совершенной перемены состава оного»¹⁶.

Биограф Семашко, Г. Киприанович в изложении доклада, как и многие другие исследователи, почему-то счел возможным опустить приведенную мною цитату¹⁷. Между тем она характерна; созданные по предложению Семашко униатские духовные училища захирели, не успев как следует расцвести. Иначе и быть не могло. Базилиане остались верными себе. Полностью овладев низшими училищами, они, конечно, ревниво оберегали их от проникновения «чуждых» им по идеологии людей. В семинарии базилиан старались не пускать. Правда, они туда просачивались, хотя оставались в меньшинстве. Что же представляло собою семинарско-преподавательское белое духовенство, количественно преобладающее? Оно получило воспитание у тех же клонгевичей и капелли, пополнялось из того же источника. Доклад не указывал такого эффективного способа подготовки, как посылка в русские духовные академии лиц, окончивших семинарии и коллегии, — для получения высшего образования, а также выпускников Виленской Главной Семинарии и Полоцкой иезуитской Академии — если не для утверждения в Православии, то хотя бы для основательного ознакомления с ним.

Хорошие результаты дало осуществление предложения Семашко о переводе преподавания с польского на русский язык, несмотря на неполное претворение этого предложения в жизнь.

Радикальные звучат другие предложения доклада: 1) Сократить число базилианских монастырей (в некоторых из них было по 5—4—3 и даже по 2 монаха, при наличии солидных имуществ и большого количества наемных рабочих и служащих). Доходы и имущества ликвидированных монастырей предлагалось обратить на содержание учреждений и приходов униатской церкви. Тогда бы все униатские клирики, — образно пишет Семашко, — «с благоговением обращались к руке, из которой продовольствие и содержание получают». 2) В число монахов сохраняемых базилианских монастырей рекомендовалось впредь принимать только лиц, окончивших униатские духовно-учебные заведения. 3) Базилианские монастыри подчинить полностью униатскому епархиальному начальству. Это предложение можно было вносить громко. Десятки лет до папского престола доносились всепокорнейшие, просительные обращения униатских архиереев на эту тему. Но римский владыка непоколебимо хранил молчание.

Далее шло предложение о выделении Униатского департамента из состава Римско-католической коллегии, с возведением его в ранг самостоятельной Коллегии, подчиненной непосредственно главноуправляю-

¹⁶ Цит. «Записки», т. I, стр. 40.

¹⁷ Г. Киприанович. Цитит. соч., стр. 47—48.

щему по делам иностранных исповеданий. Это должно было иметь особое важное значение.

Менее обоснованными представляются предложения о сокращении числа униатских епархий с четырех до двух и... «об удалении местопребывания (униатских) епархиальных начальств от римских кафедр и даже от мест, в коих римляне господствуют»¹⁸. Первое предложение становится до некоторой степени понятным и резонным в свете дальнейших событий. Семашко предвидел, что со временем придется опираться на прогрессивное меньшинство иерархов. Существующие архиереи ветшали денми, их вакансии должны были быть замещаемы антикатолически настроенными людьми; на две кафедры их можно было найти, на четыре — труднее. Второе же предложение вызывало и продолжает вызывать недоумение. Предложением, в сущности, предполагалось уступить «поле битвы» католикам в местах их скоплений, а униатских иерархов удалить в Полесскую глушь. Так впоследствии и вышло: епархиальные управления униатов переехали в жалкие, отдаленные местечки, в городах же царили католики.

В конце доклада Семашко слегка коснулся вопроса о церковных наградах. В числе его предложений — проект запрещения униатскому митрополиту награждать подведомственное ему духовенство крестами, введенными римским папой в 1784 г. специально для награждения «ревностных униатов». Вместо этого ставился вопрос о разработке порядка и правил награждения униатских священнослужителей «крестами, в господствующем исповедании»¹⁹ употребляемыми.

Изложенный нами доклад приобрел значение исторического документа в том смысле, что его выводы и предложения стали основными положениями политики по «униатскому вопросу» на ближайшие 5—8 лет. В рассмотренном документе Семашко добивается отнюдь не ликвидации, а, напротив, укрепления униатства путем обеспечения его вероисповедной автономии, в качестве, конечно, временной меры на пути к полному воссоединению с Православием.

Николай I в принципе одобрил доклад, порадовался, что «случайно нашел в униатской церкви человека, который, может быть, способен помочь нам в деле»²⁰, и поручил это дело главноуправляющему по делам иностранных исповеданий графу Блудову (одному из просвещенных сановников того времени). Сановник, хорошо понимающий своего венеценосного хозяина, нашел в докладе «поразительно верное изображение зловредного направления умов в присоединенных к России областях».

Иосиф Семашко и в дальнейшей своей деятельности пользовался полной поддержкой правительственных сфер, а в некоторых случаях даже направлял «униатскую политику» правительства.

Чем больше вдумывался Семашко в положение вещей, тем очевиднее для него становилось, что сама уния исторически обречена на умирание. Он увидел, что если и можно вести речь о признании унии самостоятельным вероисповеданием, то лишь как о временном, промежуточном мероприятии, по-настоящему же нужно готовить полное слияние унии с Православием. Полное очищение униатства от всего, привнесенного католицизмом в области обрядовой, богослужебной и канонической, означает ее самоликвидацию путем полного восстановления ее в православном виде. По окончании же такой очистки не было бы ни нужды, ни смысла в особой униатской иерархии (архиерействе) и она должна была войти в состав православного епископата.

И Семашко, открыто «спасая и укрепляя униатство» (производя эту работу «для людского глаза» столь энергично, что удостоился от

¹⁸ Иосиф Семашко, Цит. «Записки», т. I, стр. 42.

¹⁹ Т. е. в Православии.

²⁰ По цитир. сочинению Мельгунова, стр. 80

митрополита Иосафата Булгака неоднократных представлений к наградам), начинает готовить общий взрыв унии изнутри. Линия на взрыв изнутри и из униатских верхов, по нашему мнению, ведется для того, чтобы предохраниться от развала по причине взрывов снизу, в форме явочного воссоединения масс верующих мирян. Важно было, по возможности, сохранить в целости и затем перевоспитать в православном духе кадры униатского прокатолически настроенного духовенства, которому грозила опасность быть отринутым паствой.

Умный и проницательный Иосиф Семашко не мог долго сомневаться в том, что правительство Николая I не желало допускать непосредственного обращения к массам простого люда даже с церковного амвона, ибо в данном случае церковное слово против католиков и католико-униатов могло бы содействовать возбуждению крестьян против носителей «латинства» — крепостников. Они же, польские по национальности, крепостники, были гораздо более родными русскому царю — крупнейшему в стране крепостнику, чем миллионы социально-угнетенных людей тяжкого труда и великой нужды. По проекту Семашко и в полном соответствии с «видами» правительства, ликвидация католико-униатства должна была быть проведена самими униатскими иерархами.

Волей Божией это дело практически возглавил приснопамятный Иосиф Семашко, формально хотя еще остававшийся униатом, но уже лично идущий к Православию. Было бы неизмеримо хуже, если бы это святое дело попало в руки булгаков, мартусевичей, сероцинских...

В пределах тактики, избранной для разрешения «униатской проблемы», единственно правильным представлялось начинать с таких дел, в которых униатский епископат, с одной стороны, видел бы для себя ощутительную материальную пользу, с другой, — никоим образом не усмотрел бы признаков покушения на существование унии в целом. С них Иосиф Семашко и начал.

Первым крупным из этого рода дел было экономическое разоружение ордена базилиан.

В 83 базилианских монастырях, владеющих громадными земельными и лесными массивами, одиннадцатью с лишком тысячами крепостных крестьян и более, чем восемьюстами тысяч рублей наличного капитала, было всего-навсего 680 монахов, большей частью, католиков. На каждого монаха приходилось не менее 16—17 крепостных душ. Униатский департамент, приняв разработанный Иосифом Семашко проект, представил на утверждение правительства решение о сохранении в неприкосновенности всех базилианских монастырей, в которых было в наличии четыре и больше монахов. Таких монастырей оказалось всего 23. Остальные — в количестве 39 — были превращены в приходские храмы, а двадцать одну «обитель» пришлось вовсе ликвидировать, ибо и отправлять в них богослужение было некому. Земельно-лесные имущества и капиталы были сосредоточены в непосредственном распоряжении Униатского департамента. Деньги шли на добавочное содержание епископам и беднейшим приходским священникам. Земельные угодья должны были эксплуатироваться путем сдачи их в аренду.

Постановление департамента было утверждено правительством.

Проф. И. ШАБАТИН

КАНИКУЛЫ в ЛЕНИНГРАДСКИХ ДУХОВНЫХ ШКОЛАХ

Прошла первая половина учебного года. Занятия, начавшиеся 1 сентября, шли без всяких нарушений, точно по составленному и утвержденному в начале учебного года плану и расписанию. Учащиеся исправно посещали классы. Процент пропущенных ими по болезни уроков и лекций был ничтожен.

Общая успеваемость учащихся, неизменно повышаясь, к концу полугодия была выше средней.

Кроме учебных занятий, учащиеся посещали церковные богослужения, принимали участие в чтении, пении, а учащиеся старших классов произносили составленные ими проповеди.

Важными событиями в первой половине учебного года были годичный акт в день престольного праздника Академии — 9 октября и посещение Святейшим Патриархом Академии и Семинарии 16 ноября, с последующей затем милостивой телеграммой Его Святейшества на имя Митрополита Ленинградского и Новгородского Григория:

«Прошу передать ректору Академии и всей корпорации, что я весьма удовлетворен посещением нашей духовной школы, замеченным в ней порядком и строем. Божие благословение возлюбленной пастве Вашей. Патриарх Алексей».

С 1 января 1951 г. начались рождественские каникулы. Накануне Нового года, в 8 часов вечера, в академической церкви было совершено всенощное бдение св. мученику Вонифатию, с присоединением службы на Новый год. Сразу по окончании всенощной был отслужен новогодний молебен. Перед молебном Преосвященный ректор Академии епископ Симеон произнес слово, в котором выразил чувство благодарности Господу Богу за все Его бесчисленные благодеяния, в минувшем лете явленные, и просьбу о ниспослании мира, любви и благоволения Божия на наступающий новый год, особенно необходимые теперь, когда налицо — опасность новой всемирной войны, подготовляемой преступными ее поджигателями.

Оставшиеся на рождественские каникулы в здании Академии учащиеся посещали предпраздничные богослужения утром и вечером.

Во время каникул был организован ряд экскурсий: в Эрмитаж, в Петропавловскую крепость, в Русский Музей, в Военно-Морской музей. Кроме того, учащиеся своими силами устроили вечер на тему о Рождестве Христовом.

Доцент Л. ПАРИЙСКИЙ